

Munich Personal RePEc Archive

**ENDOGENOUS BOUNDARIES AND
DISTRIBUTION OF POWER In the
Federation**

Libman, Alexander Mikhailovich

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences

March 2009

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/16473/>

MPRA Paper No. 16473, posted 04 Aug 2009 08:23 UTC

Александр Михайлович
ЛИБМАН

ЭНДОГЕННЫЕ ГРАНИЦЫ
И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ
В ФЕДЕРАЦИЯХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
СООБЩЕСТВАХ

Москва
Институт экономики
2009

ISBN 978-5-9940-0133-2

Либан А.М. Эндогенные границы и распределение власти в федерациях и международных сообществах — М: Институт экономики РАН, 2009. — 75с.

В большинстве случаев формирование экономической политики в современном мире происходит в результате взаимодействия множества территориальных центров власти (стран или регионов). В то же время границы этих регионов и степень централизации экономических решений в системе в целом являются эндогенными по отношению к внутренней логике ее развития. Настоящий доклад дает обзор литературы в области экономической теории конфликтов и эндогенной децентрализации, посвященной формированию структуры и границ юрисдикций.

Economic policy in the modern world is mostly an outcome of interaction of numerous territorial centers of authority (countries or regions). However, the borders between these regions and the degree of centralization of economic decision-making in the system are endogenous to the internal logic of its development. This paper surveys the literature on economics of conflicts and endogenous decentralization, dealing with the structure and borders of jurisdictions.

©
Либан А.М.,
2009

©
Институт экономики РАН
2009

Оглавление

Введение.....	4
Глава I.	
Экономическая теория конфликтов	8
1.1. Общая логика подхода.....	8
1.2. Факторы конфликта	14
1.3. Эффективность конфликта и устойчивость анархии	18
Глава II.	
Теория эндогенной (де)централизации.....	24
2.1. Разнородность игроков, перераспределение и гармонизация.....	24
2.2. Переговорная власть, политические институты и лоббирование	32
2.3. Прочие факторы	40
2.4. Эмпирические исследования.....	42
Глава III.	
Неформальное перераспределение полномочий.....	49
Заключение.....	53
Литература.....	55

Введение

Политические и экономические отношения в современном мире редко ограничиваются «контейнером» одного отдельно взятого государства, поэтому политические решения, как правило, не только и не столько являются результатом функционирования «внутригосударственных политических рынков», сколько формируются за счет взаимодействия широкого спектра игроков внутри и вне границ отдельных юрисдикций¹. Конечно, данный вывод не мог не найти отражение и в политико-экономической литературе, где проблематика взаимодействия между территориальными центрами публичной власти является предметом исследования экономической теории федерализма в широком смысле слова. Термин «федерализм» не должен вводить в заблуждение: точнее было бы говорить об анализе «систем многих юрисдикций» [Feld, Kerber, 2006], то есть экономически взаимосвязанных сообществах, в которых присутствует множество территориальных центров публичной власти; формально-юридический статус структуры является второстепенным по сравнению с вопросами реального распределения властных полномочий. Примерами

1. Здесь и далее термин «юрисдикция» означает территориальный орган публичной власти (государство, субъект федерации, орган местного самоуправления, международную организацию) или подконтрольную ему территорию.

таких структур являются как федерации, так и международные союзы (подобные ЕС) и соглашения и даже объединенные за счет «интеграции снизу» функциональные регионы.

Традиционный анализ в экономической теории федерализма фокусирует свое внимание на причинно-следственной взаимосвязи между структурой системы юрисдикций и экономическими результатами ее функционирования. Структура включает в себя, во-первых, степень централизации решений (частично передающихся юрисдикциям более высокого уровня) и, во-вторых, число юрисдикций, их территориальный охват и прозрачность границ между ними. Между тем в реальности эта структура является эндогенной. Прежде всего, в простейшем случае некоторые системы многих юрисдикций (скажем, международные сообщества государств) существуют в мире, близком к классической Гоббсовской анархии, соответственно границы между странами и степень их свободы в принятии экономических решений формируются «в тени» возможных конфликтов с применением насилия. Во-вторых, во всех системах многих юрисдикций (в том числе и в случаях, когда открытое насилие (практически) исключено²) идет постоянный торг между юрисдикциями различного уровня по поводу перераспределения полномочий и ресурсов. Настоящий обзор является попыткой дать представление о логике этих подходов³.

Проблема эндогенности структуры систем многих юрисдикций в последние два десятилетия стала предметом активных исследований в экономической науке. Речь идет, прежде всего, о двух

2. Хотя следует иметь в виду, что политика в какой-то степени *всегда* функционирует «в тени» насилия. С другой стороны, экономический обмен также в реальном мире несовершенной защиты прав собственности предполагает определенную роль власти и насилия. По словам А. Лернера, «экономический обмен — это решенная политическая проблема... Экономика приобрела статус королевы социальных наук, концентрируясь на решенных политических проблемах» (цит. по [Bowles and Gintis, 2008]); см. также концепцию «оспариваемого обмена» (contested exchange) в [Bowles and Gintis, 1988, 1992].

3. Мы хотели бы подчеркнуть, что в анализ включены исключительно тексты, оперирующие инструментарием современной теории рационального выбора (в различных модификациях, скажем, неоклассической и неоавстрийской). Естественно, мы не пытаемся рассмотреть всю обширную литературу о факторах развития федераций, в том числе многочисленные «case studies». Также мы не затрагиваем анализ конфликтов в современной поведенческой и эволюционной экономике, изучающей эволюцию альтруизма и сотрудничества в крупных сообществах, не оперирующую напрямую теорией рационального выбора [Choi and Bowles, 2007].

направлениях. Во-первых, Гоббсовская анархия является предметом анализа в *экономической теории конфликтов*. Как и большинство других направлений политико-экономических исследований, экономическая теория конфликтов оперирует индивидами, обладающими собственными (эгоистическими) интересами. Однако она в корне отличается от доминирующего в других областях подхода с точки зрения допустимых стратегий игроков: они могут не только осуществлять производственную деятельность и торговать друг с другом, но и, применяя насилие, экспроприировать произведенный другими игроками продукт. Следовательно, экономическая теория конфликтов пытается определить эффективность и особенности формирующихся равновесий.

Переговоры в федеративных государствах, где насилие, как правило, исключено⁴, являются предметом изучения *теории эндогенной децентрализации*. Хотя впервые подобные проблемы с точки зрения теории рационального выбора рассматривал еще Уильям Райкер в 1964 г. [Filipov, 2005], наибольшее развитие данная проблематика получила в рамках современной *теории федерализма второго поколения* [Oates, 2005; Weingast, 2007], помимо всего прочего уделяющей повышенное внимание таким проблемам, как стимулы и принципал-агентские отношения в федерациях, мягкие бюджетные ограничения, стабильность федеративных структур, взаимосвязь неформальных и формальных отношений в федерациях. Своеобразным «предельным случаем» подобного анализа можно считать исследование *эндогенного формирования границ государств*. Амбициозный проект, связанный, прежде всего, с работами А. Алезины и соавторов, ставит под сомнение традиционное представление о «неизменности» государственных границ, являющихся экзогенно заданными для теоретического анализа⁵. С технической точки зрения различия между моделями эндогенного

4. Хотя в политологии большое внимание уделяется использованию федеративной структуры как метода противодействия конфликтам и изучению военных конфликтов между регионами и этносами в федерациях [Bakke, Wibbels, 2006].

5. Более того, даже *конфигурации границ* (например, контроль над регионами концентрации полезных ископаемых или доступ к морям) в реальности являются эндогенными переменными. Соответственно, экономическая теория вполне может исследовать факторы, влияющие на размеры государств и степень «проницаемости» их границ.

размера государств и эндогенной централизации являются пренебрежимыми, поэтому в дальнейшем они рассматриваются вместе с остальными подходами⁶.

6. Сказанное верно с двумя оговорками. Во-первых, реальные различия связаны с выделением проблемы собственно «децентрализации», то есть передачи полномочий юрисдикциями более низкого уровня, и проблемы определения полномочий вновь создаваемого центра на своеобразном «конституционном конвенте». Теория обычно работает со вторым подходом, хотя для эмпирической проблематики более ценным был бы первый. Во-вторых, в федерации «центральность» обладает двумя измерениями: централизацией полномочий на уровне юрисдикций более высокого уровня и размером юрисдикций более низкого уровня (иначе говоря, выбор может стоять между передачей полномочий центру и слиянием регионов при сохранении слабого центра) [Kellermann, 2008]. В литературе это различие в основном игнорируется. Отметим также, что корректнее было бы говорить не о выборе между централизацией и децентрализацией, а о сопоставлении *политической децентрализации* (автономии регионов в сфере конкретных сфер политики) и *административной децентрализации* (деконцентрации).

Экономическая теория конфликтов

1.1. Общая логика подхода

Наверное, простейшим подходом к описанию поведения игроков в условиях анархии (в какой-то степени согласующимся с идеями самого Гоббса) является хорошо известная концепция социальной дилеммы, ведущей к субоптимальному равновесию.

В контексте конфликтов социальная дилемма прогнозирует устойчивую «войну всех против всех». Существует целый ряд вариантов «выхода» из тупика «социальной дилеммы». Если одни из них на сегодняшний день являются стандартом в социальной науке (например, кооперация в дилемме заключенного в условиях повторяющейся игры), то другие отвергнуты большинством исследователей (так называемая «symmetry fallacy», предполагающая, что в дилемме заключенного игроки обязательно должны выбирать «симметричные стратегии»). Тем не менее достаточно очевидно, что дилемма заключенного может оказаться «слишком жесткой» моделью для описания взаимодействия юрисдикций. Поэтому экономическая теория конфликтов обычно предполагает более сложную структуру игры.

Ключевым компонентом моделей экономической теории конфликта⁷ является так называемая *функция технологии конфликта* (conflict success function, CSF). Доменом этой функции являются инвестиции игроков в насилие, в качестве кодомона выступают результаты конфликта (вероятность победы тех или

7. Далее мы в основном будем следовать логике [Garfinkel, Skaperdas, in: Sandler, Hartley, 2007]. Там же, а также в других статьях данной энциклопедии приводится более полный список литературы по рассматриваемой проблематике.

иных игроков). Эта же функция может описываться и как *функция власти участников конфликта* [Hirshleifer, 1990; Skaperdas, in: Weingast, Wittman, 2006]. Функция технологии конфликта аналогична хорошо известной функции успеха, применяющейся в теории лоббирования и поиска ренты со времен основополагающих работ Г. Таллока⁸. Все множество функций можно свести к вариациям двух основополагающих моделей – *соотношения сил (ratio function)* и *разницы сил (difference function)*, соответственно функций (1) и (2):

$$Prob[A] = \frac{A}{A + B}, \quad (1)$$

$$Prob[A] = \frac{1}{1 + \exp[B - A]}, \quad (2)$$

где A и B – инвестиции игроков A и B в насилие, а $Prob[A]$ – вероятность победы игрока A . При нулевых инвестициях в конфликт обеих сторон предполагается, что вероятность победы каждой из них равна $1/2$ [Hirshleifer, 1989].

В теории используются две основные модели конфликта⁹. Первая модель описывает конфликт за экзогенно заданный ресурс. В данном случае рост инвестиций каждого из игроков в насилие повышает вероятность победы в конфликте и приобретения контроля над ресурсом. Однако инвестиции не являются бесплатными, более того, их придется оплачивать независимо от победы в конфликте, которая означает, что благо полностью присваивается одной из сторон¹⁰. Модификацией моделей данной группы можно считать

-
- 8. В этой связи модели конфликта неразрывно связаны с теориями поиска ренты и моделями соревнований, обзор которых приводится в книге [Konrad, 2007].
 - 9. В основном моделируется единственный конфликт с двумя участниками или два взаимосвязанных (внутри- и межгрупповой) конфликта. Анализ множественных конфликтов может иметь свои особенности [Clark, Konrad, 2007].
 - 10. Такой подход является наиболее привлекательным для моделирования соперничества за природные ресурсы. Например, [Wick, 2008] использует модель соперничества за экзогенный ресурс в сочетании с равновесием по Штакльбергу в игре для выявления эффектов «ресурсного проклятия» для возможных восстаний и показывает, что связь между стоимостью ресурса и конфликтом носит нелинейный характер.

работы, в которых вводится «первоначальное право собственности» на ресурс, то есть при нулевых инвестициях в конфликт ресурс не «разыгрывается в лотерею», а остается у одного из игроков. В работах [Grossman, Kim, 1995] и [Benbouq, 2008] данный подход дополняется использованием двух типов «инвестиций в конфликт» – *оборонительного* и *наступательного* вооружения. Вторая модель является несколько более сложной: в ней «ресурс», за который идет соперничество, носит эндогенный характер. Последнее означает, что участники конфликта должны, образно выражаясь, распределять свои ресурсы между производством «пушек» и «масла», причем каждая форма деятельности использует собственную специфическую производственную функцию.

В этой ситуации растущие инвестиции в конфликт всех сторон ведут к выводу ресурсов из «производительной» сферы и, в конечном счете, влияют не только на вероятность, но и на размер выигрыша сторон. По сути дела, речь идет о сопоставлении моделей частичного и общего равновесия. Первые (кстати говоря, тождественные стандартным моделям поиска ренты) обычно приводят к «лучшим» экономическим результатам (меньшим потерям), поскольку в меньшей степени искажают поведение игроков (хотя «комбинированная» модель [Wick, Bulte, 2005], сочетающая конфликт за экзогенный ресурс с эндогенными альтернативными издержками конфликта и специфическими негативными эффектами последнего для экономики, показывает, что конфликт может привести к лучшим результатам, чем поиск ренты)¹¹.

Прежде всего, следует заметить, что результаты моделей конфликта обычно не нейтральны к выбору технологии конфликта, применяющейся исследователем. Использование модели (1) в простейшем случае (когда альтернативные издержки конфликта – например, эффективность производства «гражданской продукции» – для обеих сторон одинаковы) ведет к *положительным инвестициям в конфликт* вне зависимости от других параметров

11. В большинстве работ анализ «заканчивается завершением конфликта, то есть победитель присваивает приз (эндогенный или экзогенный). В некоторых экспериментальных исследованиях [Lacomba et al., 2007] в явном виде рассматривается также стадия постконфликтного поведения; различные стратегии игроков на этом этапе (стратегия «выжженной земли») влияют на инвестиции в конфликт.

модели; иначе говоря, какая-то часть ресурсов всегда будет затрачиваться на насилие. В то же время модель (2) в принципе может дать результат как отказа обеих сторон от насилия, так и «односторонней капитуляции», когда в насилие инвестирует только одна сторона. Легко заметить, что если в функции (1) нулевые инвестиции A дают и нулевую вероятность победы в конфликте, то в функции (2) даже при нулевых инвестициях вероятность победы не нулевая. Работы [Hirshleifer, 1991; Skaperdas, 1992] показывают, что при использовании модифицированной функции (2)¹² в модели с эндогенным ресурсом обе стороны отказываются от инвестиций в том случае, если технология конфликта является достаточно неэффективной, а предельные продукты производства «гражданской продукции» при нулевых расходах на военные нужды для обеих сторон достаточно близки друг другу. Естественно, существует множество модификаций CSF, включающих в себя даже учет «моральной правоты» сторон конфликта [Hirshleifer, 2000].

Между тем описанная логика поведения с учетом рациональности субъектов предполагает, что *реальный конфликт не происходит*. Игроки могут, проведя переговоры, добиться *точно такого же соглашения*, как и «по результатам» конфликта. Более того, вариант с «договоренностью» о распределении ресурсов может быть даже предпочтительным. Во-первых, это связано с отношением к риску. Избежание риска как сокращает инвестиции в конфликт в целом [Skaperdas, 1991], так и (в рамках описанной выше модели) предпочитает переговоры конфликту¹³. Во-вторых, расходы на вооружение (подготовку к конфликту) и на непосредственный «открытый» конфликт не тождественны. Как правило, подготовка к конфликту обходится дешевле. В-третьих, распределение ресурсов в результате конфликта может сильно отличаться от оптимума с точки зрения производства и потребления. Например, победа может принести одной из сторон территорию, но вызвать массовое разрушение промышленных объектов или бегство насе-

12. В его версии разница в «мощи» сторон ($B - A$) умножается на коэффициент k , являющийся показателем эффективности технологии конфликта.

13. При низких уровнях дохода, напротив, индивиды могут искать риск (risk-lovers), содействуя формированию конфликта [Zuleta, 2008].

ления, то есть в конечном счете оказаться неблагоприятной. В то же время возможность предотвращения конфликта зависит и от используемых сторонами правил раздела блага, за которое идет конкуренция. Обширная литература фокусируется именно на анализе последствий различных правил «дележа».

Однако в реальности, что достаточно очевидно, добиться «договоренности» удастся далеко не всегда. Это может быть связано с несколькими факторами. Во-первых, речь идет об асимметрии информации, точнее говоря, проблема возникает из-за нежелания сторон сообщить друг другу достоверную информацию относительно своих инвестиций в насилие¹⁴. В результате каждая из сторон может, например, попытаться «выглядеть более жесткой», чем есть на самом деле. Это может привести к открытому конфликту. Например, исследования показывают, что перед Первой мировой войной в Великобритании и Германии господствовала серьезная асимметрия в восприятии стремлений сторон: действия оппонента скорее объяснялись волей к власти, чем свои собственные действия. Напротив, в благополучно разрешившемся Карибском кризисе подобная асимметрия отсутствовала [Winter, 2003].

Однако война вполне может быть описана без обращения к информационным проблемам и быть связана с неполнотой контрактов. Прежде всего, невозможно добиться действительно долгосрочного договора относительно ограничения насилия; история человечества полна примеров соглашений о «вечном мире», продлившись лишь считанные годы или десятилетия. Между тем как открытый конфликт так и мирное соглашение в текущем периоде, в реальности влияют на сравнительный потенциал мощи в будущих периодах. В такой динамической модели «ожидание изменений в будущем» способно спровоцировать конфликт. Здесь, однако, возможны различные сценарии. Решение использовать насилие сегодня может быть обусловлено стремлением улучшить свои позиции на будущих переговорах [Garfinkel, Skaperdas, 2000, 2004], наоборот, решение отказаться от насилия в настоящий момент с точки зрения ресурсного подхода может являться результатом ожидания

14. Или стороны не в состоянии принять на себя правдоподобные обязательства (credible commitment) по отношению к действиям после выявления характеристик противника [Fearon, 2007].

«слабости» противника, которого в будущем «победить» будет легче [Bester, Konrad, 2004]. Если «тень будущего», как следует из анализа социальной дилеммы, может способствовать урегулированию конфликта, то слишком «длинная тень будущего», делающая будущие доходы от ликвидации оппонента сегодня особенно привлекательными, может лишь спровоцировать конфликт [Skaperdas, 2008]. Наконец, конфликт может быть вызван эмоциями, что показывают экспериментальные исследования [Abbink, Brandts, 2006]¹⁵.

В этой связи стоит упомянуть дискуссию «недовольство против жадности» (*grievance vs. greed*) в обсуждении причин гражданской войны [Collier, Hoeffler, 2004]. Классический анализ утверждает, что структурной причиной войны является высокий уровень бедности и неравенства, т.е. ситуация острого конфликта интересов. Однако опыт показывает, что сецессия и внутренний конфликт часто возникают как раз в условиях экономического подъема, когда, казалось бы, конфликт интересов смягчается. Выгода может быть двойной — от самого конфликта, безусловно, создающего дополнительные ренты, и от возможных результатов конфликта. Например, рост уровня налогообложения и ВВП делает сецессию более привлекательной (как это произошло в североамериканских колониях Великобритании в XVIII веке), но в то же время делает более привлекательным и жесткий «ответ» сепаратистам. Конфликт, наконец, невозможен в отсутствие источников финансирования оппонентов правительства, поэтому высокий уровень бедности, напротив, может уменьшить вероятность войны. Эмпирическая литература действительно подтверждает взаимосвязь между наличием ресурсов (например, нефти или алмазов) и гражданскими войнами [Ross, 2007]. Впрочем, важную роль играют институты, [Brückner, Ciccone, 2007] указывают на существование (обратной) корреляции между ростом и вероятностью гражданской войны в недемократических системах, однако отмечают, что в демократиях такая связь существенно слабее или отсутствует. Мы еще вернемся к обсуждению данного вопроса в разделе, посвященном генной децентрализации.

15. Впрочем, эмоциями, а точнее, предпочтением «честности» (*fairness*) может быть вызвана и кооперация [Kapstein, 2006].

1.2. Факторы конфликта

На вероятность и результаты конфликта влияет целый ряд факторов, требующим модификации описанных упрощенных моделей. Прежде всего, на результаты конфликтов, насколько можно судить, влияет **торговля между участниками**. В классическом виде она связана с концепцией «либерального мира», согласно которой торговля снижает угрозу конфликтов [Mansfield et al., 2001; Crescenzi, 2002], поскольку является одним из инструментов роста взаимосвязи между участниками и соответственно делает конфликт более дорогостоящим, обеспечивает условия для «повторяющегося взаимодействия», способствует снижению информационной асимметрии («шума») при переговорах [Reed, 2003] и содействует становлению доверия. Конечно, одной взаимозависимости для уменьшения вероятности конфликта недостаточно. Например, тесная интеграция в одних областях может создавать повод для новых конфликтов в других. Помимо этого, взаимозависимость должна быть симметричной [Негте, 2004] – в противном случае велика вероятность, пользуясь терминами неинституциональной экономической теории, «разбойного нападения» (hold up) или изъятия более сильным игроком ренты в свою пользу. Более того, в реальности факторы доверия и «тени будущего» взаимодействуют и дополняют друг друга, влияя на мотивацию игроков [Hwang, Burgers, 1999]. В принципе результаты теории «либерального мира» являются достаточно сомнительными с эмпирической точки зрения (достаточно вспомнить «глобализацию-1», кончившуюся катастрофой Первой мировой войны) и с точки зрения теории [Skaperdas, Sygroulos, 2001]: например, торговля выравнивает условия для накопления вооружений для всех сторон, способных принять участие в конфликте¹⁶.

Существует и ряд других вопросов, вызванных взаимосвязью торговли и конфликта. Например, мир Гоббсовской анархии влияет на *готовность игроков торговать* в мире с недостаточной защи-

16. Если же вспомнить, что глобальная торговля и особенно инвестиции редко соответствуют допущениям свободного рынка, ситуация становится еще более сложной. В эмпирическом исследовании [Guidolin, La Ferrara, 2006] показывается на примере данных алмазодобывающей промышленности в Анголе, что конец гражданской войны привел к падению курса акций добывающих компаний

той прав собственности. Допустим, например, что игроки имеют выбор между двумя видами деятельности: полностью безопасной автаркией, и торговлей, которая способна принести большую отдачу, но связана с риском агрессии («пиратства»). В последнем случае игроки вынуждены осуществлять дополнительные инвестиции в защиту от «пиратов»; если последние чрезмерно велики, участники могут вообще отказаться от торговли [Skaperdas, Sygroulos, 2002]. Однако вполне возможна ситуация формирования торговли, в реальности ведущей к сокращению благосостояния за счет «дополнительных» военных расходов; например, такие результаты были получены в отношении торговли в мире соперничества за необходимый для производства ресурс. Выгоды от торговли могут различаться для экспортеров и импортеров [Garfinkel et al., 2008a]. При наличии внутреннего конфликта в государстве велика вероятность чрезмерного экспорта ресурса; экспорт для определенной структуры мировых цен сокращает благосостояние [Garfinkel et al., 2008]. Второй вопрос касается уже упомянутой *идеи либерального мира*. Наконец, третий вопрос касается влияния торговли на создание коллективного режима защиты от конфликтов, например, на основе вертикального Гоббсовского контракта (он будет обсуждаться далее). В [Leeson, 2006] и [Konrad, Skaperdas, 2006] показывается, что при небольших выгодах от торговли и значительных расходах на поддержание централизованного правительства игроки с высокой вероятностью предпочтут сохранение анархической среды. В то же время в [Catuso, 2006] указывается на преимущества возможного института поддержания свободы торговли как механизма поддержания мира.

Как и в случае с анализом децентрализации, исследование конфликтов требует рассмотрения не только соперничества между странами, но и **внутристрановой динамики**, связанной с особенностями политической системы. Здесь мы опять сталкиваемся с влиятельной теоретической концепцией, находящей значительно более устойчивое подтверждение в эмпирике, теорией «демократического мира». Последняя постулирует, упрощенно говоря, что «демократии менее склонны воевать между собой», чем другие режимы. В эмпирической литературе, несмотря на наличие ряда контрпримеров, подтвержденным считается тезис о *диадном демократическом мире*: в парах демократических государств война

менее вероятна¹⁷. Между тем для демократического мира на уровне отдельного государства («демократии *в принципе* реже участвуют в войнах») эмпирического подтверждения найти не удалось. Аналогичным, пока достаточно неустойчивым является результат в отношении *системного демократического мира*, предполагающий, что в сообществах стран с доминированием демократий войны должны стать более редким явлением [Gleditsch and Hegre, 1997; McLaughlin Mitchell et al., 1999]¹⁸. Наконец, с теорией демократического мира как «жестким ядром» связан целый ряд побочных эмпирических регулярностей [Buono de Mesquita et al., 1999]; существуют противоречия между «классической теорией», предполагающей, что «пары автократий» являются также «наиболее воинственными», и концепцией «автократического мира», согласно которой война носит нелинейный характер и более вероятна для «смешанных пар» режимов [Pesceny et al., 2002].

Теория демократического мира зародилась первоначально в политической философии (и восходит еще, как минимум, к Канту) и длительное время существовала в основном в политической науке; отсюда однозначный «перекосяк» в сторону эмпирических исследований в ущерб формальному моделированию. Существуют два теоретических подхода к демократическому миру. «Нормативный» подход предполагает, что демократии обладают определенными «ценностями», препятствующими возникновению конфликтов между ними. Несмотря на то что именно нормативный подход стал основой формулировки теории в политической философии, экономисты крайне редко учитывают его¹⁹, хотя есть и несколько формальных подходов, в косвенной форме оперирующих им: роль «голубей» и «ястребов» в

-
17. Существует ряд классических критических аргументов, таких как «смещенность» эмпирических оценок как следствие альянса демократий в «холодной войне» [Farber, Gowa, 1997], недостатки бинарного определения демократии [Petersen, 2008; Ray, 1998], проблемы колониальных войн [Ravlo et al., 2003] и стандартная проблема эндогенности [Crescenzi, Enterline 1999; Kadera et al., 2003]. Однако в общем и целом тезис о демократическом мире, насколько можно судить, способен пройти через стандартные требования к многофакторному статистическому анализу.
18. Последний более привлекателен для анализа современных мировых систем с взаимозависимостью стран. Вспомним, что последний пример не связанных между собой крупных региональных войн в Европе относится к концу XVII века.
19. Экономические модели, следуя принципу Г. Беккера, обычно стремятся предполагать не различные предпочтения (из которых автоматически следует результат), а различные механизмы достижения результатов.

населении при поиске политической властью поддержки в различных режимах [Baliga et al., 2007] или обязательство демократии по «демократизации» стран, проигравших в войне [Fearon, 2008]. Гораздо более популярны институциональные подходы, связывающие различия между режимами с различиями между механизмами принятия решений. Здесь выделяются три подхода. Идея «политического смещения» (political bias) связывает войну с долей продукции «мирного времени» и «военной добычи», которую может присвоить игрок, принимающий решения [Jackson, Morelli, 2007]. «Коммуникационный подход» акцентирует внимание на неспособности автократий к «достоверным обязательствам» (credible commitment) [Fearon, 1994; Levy, Razin, 2004]²⁰. Наконец, третий подход связывает «миролюбие» демократий со способностью населения «наказывать» правителей за чрезмерные издержки, понесенные в ходе военной кампании, с помощью дешевого механизма перевыборов [Bueno de Mesquita et al., 1999; Tangerang, 2008; Debs, Goemans, 2008].

Более сложным является анализ роли внутреннего конфликта как фактора, влияющего на конфликт внешний. Большинство работ в этой области [Garfinkel, 2004a; Muenster, 2007; Muenster and Staal, 2007], пусть и с определенными оговорками²¹, утверждает, что внешняя угроза способствует сокращению масштабов внутренних конфликтов и консолидации игроков, и наоборот, внутренний конфликт сокращает склонность к участию в международной конфронтации. В работе [Besley, Persson, 2007], где изучается проблема инвестиций в фискальный потенциал (fiscal capacity) государств, внутренний конфликт ведет к фрагментации государства и ослабляет инвестиции в фискальный потенциал, а внешний, напротив, усиливает инвестиции в фискальный потенциал за счет роста консенсуса между различными игроками²². Проблема внутреннего перераспределительного конфликта играет роль и при исследова-

20. Если для автократий проблемой является именно «достоверность» обязательств, то для демократий с их сложным конкурентным механизмом принятия решений проблемой может стать принятие на себя обязательств вообще [Gaubatz, 1996; Leeds, 1999].

21. В [Garfinkel, 2004a] конфликты являются субститутами, только если предельная выгода от защиты оспариваемого ресурса от внешней агрессии невелика.

22. Расширенная версия дискуссии в [Besley, Persson, 2008] показывает, что потенциал государства (state capacity) сам является результатом внешнего конфликта. Это отчасти созвучно идеям Роберта Карнейро о «стесненности» как факторе формирования государств [Розов, 2001].

нии формирования коалиций в условиях конфликта для использования преимуществ супераддитивности технологий конфликта. Перераспределительный конфликт при этом связан с появлением дополнительных рент [Garfinkel, 2004]²³. Конечно, внутренний конфликт связан с демократией. В работе [Garfinkel, 1994] подчеркивается, что именно электоральная конкуренция ведет к сокращению расходов на вооружение (эмпирически подтвержденный факт [Kimenyi, Mbaku, 1995; Fordham, Walker, 2005]) и содействует миру. Впрочем, в автократиях также присутствует конкуренция, а угроза внутреннего конфликта может привести к росту инвестиций в международный конфликт (логика «малой победоносной войны»), но нам неизвестны работы, использующие эту возможность²⁴.

1.3. Эффективность конфликта и устойчивость анархии

Очевидно, что рассматриваемый в настоящей работе конфликт, не имеющий «институционального оформления» и предполагающий насилие, в отличие от «институционально оформленного соперничества» в форме конкуренции (в том числе конкуренции юрисдикций) [Hirshleifer, 1978; Vaubel, 2008], может (но не обязательно должен) привести к негативным последствиям для экономики [Skaperdas, 2002]. Более того, возможность такого конфликта в принципе может ослабить эффект конкуренции юрисдикций за счет повышенного внимания к военным вопросам [Skaperdas, 2003]. Подавляющее большинство исследователей приходит к выводу о *неэффективности конфликта* и, как следствие, целесообразности формирования режима монополии на насилие (вместо конкуренции центров власти). В основном неэффективность связана с тем, что

23. В какой-то степени этот анализ параллелен дискуссии о возникновении юрисдикций. Однако он обладает и достаточно важной практической плоскостью: разрешение конфликтов часто связано не с «общим» воздействием на их участников, а с целенаправленными эффектами для лидеров конфликтующих сторон, предполагающих, например, устранение негативных последствий отказа от власти или сокращение выгод от последней.

24. Хотя некоторые работы исследуют взаимосвязь между войнами и вероятностью военных переворотов в стране [Leon, 2008].

игроки расходуют ресурсы на конфликт; очевидно, что перераспределение, в котором все игроки получают такую же долю ресурса, как и в результате конфликта, но инвестиции в конфликт будут равны нулю, будет являться более парето-эффективным (так называемая упорядоченная анархия по Прудону) [Mckay, 1989]²⁵. Литература по существованию упорядоченной анархии и защите сделок в отсутствие государства в последние годы стала обширным направлением исследований [Dixit, 2004; Powell and Stringham, 2008]²⁶.

Более того, вопрос состоит не в выборе между упорядоченной и Гоббсовской анархией, а в выборе между Гоббсовской анархией (то есть *конкуренцией* на рынке защиты прав собственности) и Левиафаном. В этом отношении выводы исследователей являются неоднозначными, хотя, насколько мы можем судить, большинство все же полагает Гоббсовскую анархию менее эффективной и в этом сопоставлении. Например, в работе [Konrad, Skaperdas, 2006] показывается, что все преимущества коллективной защиты прав собственности могут быть утрачены в результате борьбы региональных военных лидеров. Некоторые исследования, впрочем, указывают, что сочетание военной и экономической конкуренций, если первая является сравнительно ограниченной, может оказаться более благоприятным, чем чисто экономическая конкуренция [Grossman, Mendoza, 2001a]. Наконец, одним из важнейших положений австрийской школы экономической теории [Норре, 1999, 2003] является возможность именно *частной организации* производства

25. Если учесть, что обеспечение мира само может быть связано с издержками, ситуация несколько меняется. В работе [Hoffmann, 2007] показывается, что при эндогенных издержках обеспечения мира конфликт может оказаться предпочтительным.

26. Можно условно разделить исследования этой группы на четыре части: изучение равновесия в условиях анархии («естественного распределения» по Бьюкенену), что почти полностью совпадает с дискуссией об эффективности в условиях конфликтов; изучение частного обеспечения прав собственности; сравнительный анализ анархии и государства; использование агентских методов для моделирования анархии. К этой же группе можно отнести разнообразные модели «конкурентных» правительств, например, вертикально-интегрированные сообщества собственников [Stringham, 2006; Leeson, 2007] или FCOJ Б. Фрая. Если одни авторы полагают, что упорядоченная анархия действительно способна обеспечить защиту прав собственности и эффективное равновесие, причем даже более эффективно, чем государство [Powell and Stringham, 1998], другие утверждают, что частные агентства по обеспечению прав собственности в мире анархии могут сконцентрировать чрезмерную власть и использовать ее для экспроприации ренты [Sutter, 1995] или ограничения входа новых игроков [Cowen, Sutter, 2005].

безопасности на основе принципов конкуренции как более эффективного инструмента, чем централизованная иерархия²⁷. Нельзя не забывать [Rosso, Ballo, 2008], что сам Левиафан может предпочесть конфликт сокращению своих перераспределительных appetitов.

Помимо эффективности следует учитывать и перераспределительную функцию конфликтов. Любопытным утверждением некоторых моделей [Hirshleifer, 1990, 1991] является представление о конфликте как об *инструменте выравнивания власти (power equalization principle)*: нередко более «слабая» (с точки зрения доступных ей ресурсов) сторона обладает *сравнительными* (пусть даже не абсолютными) преимуществами в инвестициях в конфликт. Соответственно, на практике конфликт может привести к выравниванию распределения ресурсов между игроками. В работе [Dunne et al., 2006] исследуется несколько другой аспект этой же проблемы: в модели с экзогенным ресурсом и последовательными действиями игроков более слабый игрок может победить более сильного за счет «адаптации» своей стратегии, в то время как более сильный проигрывает из-за недостаточной гибкости за счет «безвозвратных издержек». Практика перераспределения и трансфертов может сократить спрос сравнительно бедных сообществ на инвестиции в конфликт [Rohner, 2008; Bevia, Corchon, 2008], что, впрочем, лишь переносит «перераспределительную» функцию конфликта на ступень переговоров, предшествующую самому военному столкновению.

Наконец, приведенные выше модели являются статическими с точки зрения используемой игроками технологии как конфликта, так и производства. Здесь в экономической литературе существует несколько подходов. Первый достаточно обширный блок связан с исследованием *динамических издержек конфликта*. Последние связаны не только с сокращением благосостояния из-за непосредственных издержек вооружения, но и со снижением стимулов для осуществления инноваций в экономике из-за отсутствия защиты

27. Нельзя забывать, что в своем анализе оба подхода исходят из рациональности человеческого поведения, тем самым исключая возможные проблемы злоупотребления ресурсами насилия, связанные с эмоциями. К тому же австрийцы считают проблему злоупотребления частной властью гораздо менее значимой, чем проблему государственного насилия.

прав собственности. С другой стороны, конфликт может стимулировать *инновации в политической сфере*. Не случайно именно с международным соперничеством в различных формах связывается преодоление возможной блокады инноваций недемократическим режимом, связанной с опасением утраты власти. «Вторая грань» литературы о «европейском чуде» связана не только с конкуренцией юрисдикций, но и с классическими военно-политическими конфликтами, стимулирующими инновации [Teng, 2005]. С этой точки зрения конфликт вовсе не обязательно оказывается пагубным. В-третьих, возникает вопрос: есть ли связь между *победой в конфликте* и *качеством институтов победителя*? То есть в какой степени жесткое военное соперничество ведет к распространению более эффективных институциональных систем. Как связаны технология конфликта и экономические и политические институты? История полна различных примеров ответа на этот вопрос.

Впрочем, с позитивной точки зрения естественным вопросом является также *стабильность Гоббсовской анархии* как мира, анализируемого экономической теорией конфликтов. В [Hirshleifer, 1995, 2000] утверждается, что анархия на самом деле является достаточно нестабильной институциональной системой, способной выжить лишь при достаточно низкой эффективности конфликта и при значительном доходе, достаточном для «выживания» множества игроков. В противном случае анархия «деградирует» или в систему с политической централизацией, или в *аморфию*, то есть конкуренцию за ресурсы без попыток «предъявления прав собственности» на них; по сути дела, в этой ситуации все игроки превращаются в «кочевых бандитов». В этой связи экономическая теория конфликта может использоваться как инструмент для прогнозирования числа и размеров государств в тех или иных системах, где допускается *насильственное объединение территорий*. Такому анализу посвящены, например, работы [McGuire, 2002; Лал, 2007]. Важную роль может сыграть как международный, так и внутренний конфликт в каждой из юрисдикций [Garfinkel, 2004b].

Работа [Konrad, Skaperdas, 2006] трактует эту тематику как анализ «отраслевой структуры рынка защиты» (от насилия), исследуя такие формы, как (множественные или единственные) добровольные ассоциации для защиты или (опять же множествен-

ные или единственные) иерархии. В работе [Grossman, Mendoza, 2001] обсуждается соотношение различных стратегий аннексии территории (военного захвата или подкупа), а также готовность государства пойти на захват в зависимости от структуры выгод и издержек. В [Lake, O'Mahony, 2006] на основе классической модели А. Алезины (рассмотренной в следующем разделе) с некоторыми дополнениями исследуется связь размера стран и интенсивности межгосударственных конфликтов. Сегодня формируется направление, связанное с исследованием конфликтов на основе эволюционных моделей, акцентирующее внимание на выживании и росте игроков в процессе конфликта [Gangoradhya, 2007]. В работе [Patti, Sobrio, 2008] проблема рассматривается с другой стороны: вместо обычной альтернативы «мира» или «конфликта» стороны должны выбирать между Гоббсовской анархией и объединением в единое государство. А в обзоре [Young, 2004] автор сосредоточивает внимание на критике современной литературы, посвященной распаду государств и децентрализации (которую мы будем обсуждать в следующем разделе), именно за отказ учитывать реальные издержки сессии как конфликта и революции.

Введение в анализ конфликтов ставит вопрос о возможном формате *управления конфликтами*. Последнее представляет собой в общем и целом создание институциональных условий для «канализации» соперничества путем повышения благосостояния игроков, а прежде всего — устранения условий для *непосредственного военного столкновения* (то есть автоматического разрешения конфликта в значении, приведенном выше), в основном, за счет действия «верховой власти», осуществляющей управление конфликтом. Говоря более абстрактно, в литературе существуют два основных подхода к решению этой проблемы, восходящих еще к классической философской дискуссии. Конфликт может быть ликвидирован путем *вертикального контракта по Гоббсу* или *горизонтального контракта по Локку*. Первый соответствует идее «естественного государства» у Д. Норта. Суть его состоит в концентрации власти в руках единственного победителя конфликта, устанавливающего де-факто монополию на применение насилия и поддерживающего порядок жесткими правилами исключения в организации отношений. *Горизонтальный контракт* требует подписания соглашения

между всеми участниками о полном отказе от вооружений. Нередко проблема состоит в поиске *институциональной среды*, гарантирующей соблюдение всеми потенциальными участниками конфликта норм и правил. Несколько более формальный подход предполагает анализ горизонтальных контрактов, описанных выше, на основе *теории дизайна механизмов* [Bester, Wärneryd, 2006]. Существует целый ряд модификаций анализа. Например, [Garance, Skaperdas, 2002] демонстрируют, что само урегулирование конфликта может быть связано со специальными «инвестициями в управление конфликтом», размер которых в стохастической модели (где даже максимальные инвестиции не дают полной гарантии мира) зависит от целого ряда обстоятельств.

Теория эндогенной (де)централизации

2.1. Разнородность игроков, перераспределение и гармонизация

Теория эндогенной децентрализации, по сути дела, представляет собой сегодня собрание отдельных подходов и концепций, концентрирующих свое внимание на факторах, определяющих распределение полномочий между уровнями федеративной системы. Во многих случаях речь идет о применении классических концепций, разработанных или в нормативном анализе федерализма, или в других областях литературы (например, проблематика размера юрисдикции может описываться и на основе концепции ядра (core) в теории общего равновесия, и в рамках анализа ограничений участия (participation constraints) в теории дизайна механизмов). Сначала мы обратимся к более общим подходам, уделяющим меньше внимания детализации институциональной среды.

Первый подход концентрирует внимание на **разнородности предпочтений**, по сути дела, является развитием классической литературы о «сортировке по Тибу». Идея данной концепции достаточно проста: в мире разнородных игроков с совершенной мобильностью происходит «группировка» по юрисдикциям, в наибольшей степени соответствующим их предпочтениям; в результате формируются юрисдикции с однородным населением [Demange, Wooders, 2005]²⁸. На основе идеи сортировки по Тибу возникла обширная и крайне абстрактная формальная литература,

28. К этой же группе можно отнести работы об оптимальном размере юрисдикций при однородных предпочтениях при различных технологиях производства общественного блага, например, [Konishi, 2001]

занимающаяся проблемами числа, стабильности и однородности юрисдикций в условиях равновесия, существованием и единственностью равновесия.

Если допустить, что индивиды не перемещаются между юрисдикциями, а ведут переговоры об их создании и интеграции, то в принципе можно использовать ту же самую логику. Размер страны, или степень централизации в федерации и международные союзы, определяется соотношением центробежных сил, зависящих от степени разнородности населения относительно предпочтений государственной политики, и центростремительных сил, связанных с преимуществами «совместного существования» (например, за счет экономии от масштаба при производстве благ, интернализации фискальных экстерналий, страхования от специфических для регионов рисков и больших возможностей для перераспределения). Таким образом, формирование страны может быть описано на основе (как правило, одномерной) модели монополистической конкуренции, аналогичной модели Хотеллинга. Именно подобный подход лежит в основе упомянутых ранее работ А. Алезини²⁹. В принципе он лишь переводит традиционные нормативные выводы относительно оптимальной децентрализации в позитивную плоскость³⁰.

-
29. Основные итоги данного подхода опубликованы в монографии [Alesina, Spolaore, 2003], обобщающей результаты [Alesina, Spolaore, 1997; Alesina, Perotti, 1998; Alesina, Spolaore, Wacziarg, 2000] формирования государств и [Alesina, Angeloni, Etro, 2001a, 2005] международных союзов. Обзор литературы приводится в [Alesina, Perotti, Spolaore, 1995; Bolton, Roland, Spolaore, 1996; Spolaore, 2005; Ruta, 2005a; Spolaore, 2008]. Отметим также, что задача описания разнородности предпочтений может быть решена разными способами. В работах Алезини основной задачей является определение *расположения* центра производства общественных благ на числовой прямой, отображающей разнородность предпочтений, и границ юрисдикции. В работе [Loeper, 2008] вопрос децентрализации сводится к (эндогенному) определению *интервала* на числовой прямой, в котором юрисдикции могут выбирать свою политику. Разнородность может попросту описываться как различные предпочтения медианного избирателя [Bolton, Roland, 1997; Leite-Monteiro, Sato, 2003].
30. Этот подход не является бесспорным. [Herrmann-Pillath, 2008] утверждает, что рост разнородности не столько увеличивает издержки формирования «общей политики», сколько повышает творческие способности общества и содействует росту. [Marks, Hooghe, 2000] предполагают, что подход Алезини в недостаточной степени учитывает проблемы предпочтений правителей за пределами поиска ренты (то есть, собственно говоря, игнорирует саму основную «заслугу» политической экономики по сравнению с теорией общественного выбора), идеологии и формирования коалиций. Политико-экономический подход [Kumar, 2008] показывает, что разнородность предпочтений может оказывать и другое воздействие на структуру юрисдикций в федерации: стремясь избежать сецессии, центр будет строить *внутреннюю политическую географию (internal political geography, IPG)* таким образом, что потенциальные сепаратисты будут «разбросаны» между юрисдикциями.

Интерес, однако, представляют факторы, влияющие на преимущества и издержки объединения и централизации. Именно им уделяется основное внимание в данной литературе. Экономическая интеграция (повышение прозрачности границ и снижение издержек трансграничных сделок) в основном содействует формированию юрисдикций меньшего размера и политической дезинтеграции [Alesina, Spolaore, Wacziarg, 2000]³¹, то есть политической децентрализации. Модификации данной модели предполагают учет эндогенного формирования размера юрисдикций и режима международной торговли (экономической интеграции) [Etro, 2006]³². Более мягкая версия [Casella, Weingast, 1995] предполагает, что открытая торговля содействует не столько фрагментации, сколько «изменению структуры» юрисдикций в связи с появлением новых возможностей для реализации предпочтений.

Уровень экономического развития также является фактором, влияющим на централизацию и размер юрисдикций; однако в данном случае экономисты придерживаются двух конфликтующих точек зрения. Первый подход, представленный, например, в работе [Casella, Feinstein, 2002], предполагает, что связь носит нелинейный характер. Объединение стран снижает транзакционные издержки торговли, но увеличивает издержки производства

-
31. При этом под трансграничной интеграцией понимается интеграция на основе системы обменов. Ее альтернативу составляет более или менее согласованная система перераспределения (как в СЭВе) или сети реципрокности; первые требуют наличия (формального или неформального) политического единства. Отметим, что аргументы, связанные с изменением соотношений выгод централизации и разнородности предпочтений под влиянием торговли и развития, — **единственные** во всем докладе, где различие моделей интеграции является существенным.
32. Критику подхода Алезины с точки зрения взаимосвязи размера и протекционизма рассматривают, например, [Feld, 2008; Blankart, Koester, 2006]. Отметим, что вопросы торговли лежат в центре внимания и другого направления исследований, анализирующего роль рента для объяснения размера стран и децентрализации в недемократических системах, но рассматривающего однородные предпочтения. Здесь выводы являются прямо противоположными: большая торговая активность (как внутренняя, так и внешняя) повышает ренты и соответственно размер страны [Friedman, 1977]. Аналогичная проблема формирования стран на основе противоречия между рентами и издержками правления лежит в центре внимания имитационного моделирования в работе [Voix et al., 2006], где учет таких факторов, как сдвиг в технологии ведения войны, изменение ресурсов капитала и труда в отдельных странах, позволяет получить численные результаты эволюции размера стран. В работе [Bonfatti, 2007] дается анализ процесса деколонизации как результата различного доступа к международным рынкам, обусловленного различным распределением ресурсов в мире; такой подход дает те же результаты, что и работы Алезины.

общественных благ (в данном случае — обеспечения контрактов). На ранней стадии для увеличения выгод от торговли необходима политическая унификация; однако на поздней стадии те же выгоды могут быть получены и без издержек политической унификации (за счет большего потенциала частного сектора), и более привлекательной становится политическая дезинтеграция. Альтернативный подход показывает, что рост выгод от торговли с избытком компенсирует издержки разнородности предпочтений, политических рисков и неэффективности государства, и интеграция становится более вероятной для более развитых сообществ [Wei, 1991; cited by Bolton et al., 1996]. Разновидности анализа учитывают взаимосвязь роста и политической системы [Wittman, 2000], анализ расширения рынков и стран с различным уровнем производительности [Casella, 1992] и роль развития как фактора «роста многообразия» [Casella, 2001].

В числе прочих факторов, исследуемых данным подходом, следует отметить соотношение *меж- и внутрирегиональных экстерналий* [Ellingsen, 1998; Bork, 1998; Etro, 2001], *дифференциации размеров* регионов [Bolton, Roland, 1997; Goyal, Staal, 2004], *фиксированных издержек* производства общественных благ [Staal, 2004, 2005, 2006], *мобильности факторов производства* и конкуренции юрисдикций в мире с разнородными предпочтениями [Bolton, Roland, 1997; Perroni, Scharf, 2001; Olofsgard, 2003; Leite-Monteiro, Sato, 2003; Ugur, 2004], *внешней угрозы* [Alesina, Spolaore, 2005, 2005a; Spolaore, 2004]³³ и *потенциального сепаратистского конфликта* [Spolaore, 2007]. Особо, однако же, следует выделить такой фактор, как *конфликт по вопросу перераспределения*. Хотя централизация и ведет к росту эффективности, для конкретных групп игроков она создает угрозу принятия решений, серьезно отклоняющихся от их предпочтений, за счет поддержки «большинства» в других регионах. То есть экономическим выгодам противостоят политические риски. Такой вывод можно анализировать как на основе разнородности предпочтений

33. Эта тема находится также в центре так называемой экономической теории военных альянсов [Olson, Zeckhauser, 1966; Sandler, 1999; Sandler, Hartley, 2001], концентрирующей внимание в основном на проблемах коллективного действия и «безбилетника».

[Alesina, Perotti, 1998], так и, что, возможно, более привлекательно с эмпирической точки зрения, разнородности уровней дохода в регионах, влекущей за собой разнородность предпочтений относительно перераспределения [Bolton, Roland, 1997; Dagan, Volij, 2000] и производства общественных благ [Cheikbossian, Marceau, 2007]. В этом случае даже бедные регионы могут оказаться заинтересованы в отделении или децентрализации во избежание угрозы принятия решений, сильно отличающихся от поддерживаемых их гражданами. Модификации модели предполагают анализ независимого определения режимов производства и финансирования общественных благ [Hug, 2005] или анализ выбора размера стран с позиции портфельного выбора в условиях неопределенности [Chiang and Mahmud, 2008]. Конечно, инструментом стабилизации федерации в условиях сильных расхождений в уровне доходов могут стать трансферты, однако в этом случае далеко не любая эффективная федерация является стабильной [Le Breton, Weber, 2003]. При значительной поляризации интересов даже межрегиональные трансферты не могут позволить избежать распада эффективных федераций [Haimanko et al., 2005].

В литературе, посвященной международной торговой и валютной интеграции, аналогичные перераспределительные вопросы обычно рассматриваются в контексте различий размеров и уровня развития стран, что также, конечно же, является более доступной для измерения концепцией, чем предпочтения. Рост разнородности (как и предсказывает теория) сокращает масштабы интеграции и координации политики [Mayer, 1981; Casella, 1992; Jensen, 1994; Fung and Schneider, 2005]. Поэтому эндогенно формирующиеся торговые блоки должны включать в себя в основном однородные страны [Das and Ghosh, 2006] или формироваться постепенно [Bond and Park, 2002]³⁴. Хотя дан-

34. Если экономическая либерализация в региональной интеграционной группировке связана с ростом мобильности капитала, дополнительные проблемы создает и асимметричная налоговая конкуренция; однако выводы в отношении распределения выгод и потерь от последней для крупных и малых стран и их склонности к гармонизации сильно различаются [Bucovetsky, 1991; Wilson, 1991; Kanbur and Keen, 1993; Eggert and Haufler, 1998; Haufler and Wooton, 1999; Forslid, 2005; Stöwhase, 2005; Peralta and van Ypersele, 2005].

ные типы разнородности обычно также означают разнородность переговорной власти, данная тематика в экономике практически не рассматривается³⁵. Впрочем, роль власти активно исследуется международной политической экономией: в теориях международной иерархии, анализирующих последнюю с неoinституционалистской перспективы неполноты контрактов [Lake, 2009] и асимметрии информации [Kang, 2004], или в «теории перехода власти» (power transition theory) [Efrid, Kluger and Genna, 2003; Genna and Hiroi, 2004, 2005, 2007].

Последнее замечание приводит нас ко второй группе общих подходов к анализу проблем эндогенной децентрализации. При *однородных предпочтениях игроков* вопрос децентрализации может описываться с точки зрения **перераспределения ресурсов**.

В этом случае децентрализация может стать *побочным результатом соперничества между элитами в перераспределении «экономического пирога»*. То есть, кроме *ex ante* разнородности предпочтений и дохода, на децентрализацию может влиять и потенциальная *ex post* разнородность в результате перераспределения. основополагающая работа в данной области принадлежит Дж. Бьюкенену [Buchanan, Faith, 1987]. Главная идея данного подхода связана с существованием так называемой коалиции участников (sharing coalition), то есть группы игроков, получающих выгоды от налогообложения, которым обременяется все население в целом. Размер этой коалиции может влиять на процесс централизации. Если на каждой территории существует собственная коалиция, то децентрализация или централизация превращается в поиск различных схем перераспределения ренты [Apolte, 1997]. Детальные модели децентрализации как торга за ресурсы приводятся в [Wärnerud, 1998; Cingarini, 2004]. Некоторые модели рассматривают специфические проблемы перераспределения: торг по поводу уклонения от налогов [Damjanovic, 2002] и внутрирегиональное перераспреде-

35. Впрочем, есть и исключения: работы, где властные отношения и прямое давление включаются в анализ, как это делает [Jones, 2007] для международных альянсов. В чем-то сходной является дискуссия по поводу асимметрии торговых блоков и ее воздействия на распределение рыночной власти [Bond and Sygroulos, 1996] или мощи крупных стран в торговых войнах [Kennan and Riezman, 1988].

ление между городом и деревней [Dug, Staal, 2006]. Преимущества такого анализа состоят в том, что централизация не обязательно должна быть связана с какими-то экзогенно заданными преимуществами (а децентрализация — с экзогенно заданными предпочтениями).

Третья группа наиболее общих подходов сохраняет допущение однородности предпочтений (как литература о перераспределении), но вводит в анализ фактор **конкуренции юрисдикций**. Мы уже говорили о конкуренции юрисдикций, обсуждая мир с разнородными предпочтениями, однако специфические аргументы могут быть сформулированы для мира с однородными предпочтениями субъектов. В этом случае, независимо от того, предполагает ли модель эгоистичное правительство Левиафана, ограниченное налоговой конкуренцией, или «благожелательного диктатора», вынужденного производить субоптимальный объем общественных благ вследствие конкурентного давления, и первый [Brennan, Buchanan, 1980; Blankart, 2000], и второй [Davis, Naughton, 2006] заинтересованы в создании картеля на рынке общественных благ и политики или в «гармонизации» институтов. Сама постановка проблемы централизации как формирования картеля означает, что необходимо ввести в анализ все стандартные проблемы устойчивости последнего, связанные с «проблемой безбилетника» и «дилеммой заключенного». В экономической литературе эта тематика рассматривается в работах, интегрирующих налоговую конкуренцию и перераспределение в коалициях [Burbidge et al., 1997; Myers, Sengupta, 2002; Viscovetsky, 2005]. Интеграция как инструмент сокращения конкурентного давления может быть привлекательна даже для регионов с *ex ante* преимуществом по привлечению капитала [Hindriks et al., 2005]. В международной политической экономии имеется обширная литература, посвященная *различным* результатам гармонизации для различных типов политики, например, из-за различий в абсолютных и относительных выгодах для игроков или преимуществ кооперации [Genschel, Plümper, 1997; Bernauer, 2000], или соперничества за власть в международном сообществе [Drezner, 2005]. Естественно, модификации модели следуют логике модификации теории налоговой конкуренции

[Barton, 2002] и анализа методов «сговора» (например, трансфертов) [Köthenbürger, 2005]³⁶.

Наконец, если анализ касается регионов, между которыми существуют ограничения торговли, то существуют интересные результаты, согласно которым мобильность населения может содействовать сохранению барьеров. При этом срабатывает следующая логика: трансграничные интеграционные проекты нередко требуют значительных дополнительных затрат со стороны регионов, в них участвующих (то есть «лидеры» интеграции нередко сами же «платят» за нее). Однако при интегрированном рынке труда преимуществами от этих инвестиций воспользуются не только сами жители региона, но и многочисленные мигранты, прибывающие уже *после* осуществления инвестиций, когда трансграничный проект начинает давать отдачу. А в такой ситуации жители потенциального региона-«интегратора» могут вообще отказаться от осуществления инвестиций [Dascher, Haupt, 2008].

Любопытно, что значимый аргумент в пользу гармонизации был сформулирован в институциональной экономической истории. Дело в том, что институциональная конкуренция не является новым явлением; в реальности, начиная с формирования европейской цивилизации (то есть после распада Римской империи), политическая фрагментация континента способствовала интенсивному соперничеству центров общественной власти за мобильное население. Именно подобная множественность соперничающих центров во многом способствовала институциональному прогрессу в Европе и росту населения и, в конечном счете, согласно имеющимся оценкам, лежала в основе «европейского чуда». Подобное представление восходит еще к Д. Юму и М. Веберу, но в полной мере получило

36. Нельзя, наконец, отождествлять *ex ante* гармонизацию постконституционной политики в результате централизации принятия решений в картеле с *ex post* гармонизацией на основе односторонних мер адаптации экономической политики к глобальным стандартам. Как уже говорилось, в неоклассической парадигме последняя связывается с конкуренцией юрисдикций. Однако даже без учета данного процесса односторонние шаги по гармонизации могут быть связаны с попытками стимулировать торговлю. [Carbonara, Parisi, 2007] показывают, что при эндогенных издержках перехода от одной системы норм к другой некооперативная гармонизация может оказаться большей, чем гармонизация на основе формальной централизации.

развитие после работ Э. Джонса [Karayalçin, 2004; Vaubel, 2008]³⁷. Тем не менее в Центральной Европе высокие масштабы институциональной конкуренции в XV веке были ограничены путем сговора региональных и центральных элит. Механизм, объясняющий этот сговор, выглядит следующим образом: государство может не только участвовать в производстве общественных благ и услуг, но и осуществлять частную экономическую деятельность. Как производитель общественных благ оно заинтересовано в притоке дополнительных налогов за счет успеха в конкуренции юрисдикций; как частный игрок оно стремится избежать конкуренции со стороны «новых игроков» на рынке и соответственно предпочитает снизить приток компаний и граждан с других территорий. Если второй мотив важнее первого, государство вполне может обменять свою публичную власть на гарантию монополии на частном рынке. Именно это произошло в Центральной Европе [Volckart, 2002]; впрочем, аналогичная логика свойственна и многим развивающимся странам.

2.2. Переговорная власть, политические институты и лоббирование

Теперь перейдем к более «детальным» подходам анализа децентрализации, уделяющим большее внимание институциональной специфике. Прежде всего, речь идет об анализе децентрализации с точки зрения **переговорной власти и правил для переговоров**. В рамках данного подхода процесс эндогенной централизации рассматривается как система переговоров между центром и регионами, результаты которых определяются правилами переговоров, которые, в свою очередь, могут носить эндогенный характер. Отличительная особенность такого анализа состоит в том, что учитывается институ-

37. В российской истории институциональная конкуренция играла немаловажную роль в Средние века [Черникова, 2005; Янов, 2006]. Тем не менее, в отличие от Европы, в XV–XVIII веках соперничество институциональных систем во многом привело к формированию неэффективного политико-экономического равновесия перераспределительной экономики [Латов, 2004]. Однако в данном случае речь идет уже о военно-политическом соперничестве, результаты которого мы обсудим в следующем разделе.

циональный фактор (в отличие от описанных ранее трех подходов, где «возможно» было практически все, что пожелают участники), но не анализируется внутренняя среда принятия решений в конкретной юрисдикции; правительство рассматривается как единое целое и единственный игрок, участвующий в переговорах; другие акторы (например, избиратели, группы лоббирования, бюрократия) не рассматриваются. В конечном счете, на централизацию влияет определяемое правилами переговоров распределение переговорной власти между уровнями федеральной структуры.

Ярким примером такого подхода является литература, посвященная «самоусиливающемуся» (self-enforcing) или эндогенному федерализму в рамках формальной политологии. Ее отправная точка работы У. Райкера, в то время как сегодня ведущий представитель данного направления – Б. Вейнгаст [Weingast, 2005; Figueiredo, Weingast, 2005]³⁸. Несколько менее формальный анализ данной тематики, основанный на схожих идеях, приводится в пользующейся большим влиянием монографии [Filippov et al., 2004], где федерализм рассматривается как «игра N + 1 (регионы и федерация) участников», ограниченная институтами трех уровней.

Наконец, существует целый ряд специфических работ, рассматривающих разнообразные правила переговоров и факторы, на них влияющие: социальный контракт между центром и регионами, правило большинства, федеральные мандаты и принцип subsidiarity [Alesina et al., 2001, 2001a, 2005; Bednar et al., 1996], эгалитарные и неэгалитарные правила переговоров [Gradstein, 2000], правило большинства и правило единогласия [Cooter, 2000], политические транзакционные издержки, неполнота контрактов и проблемы доверия [Дементьев, 2004; Iaryczower et al., 1999]. Специфическими правилами для переговоров являются возможность создания рядом регионов «более глубокого союза», на который пока не готовы другие игроки, решений относительно доступа игроков к интеграционному пространству и право региона на сепарацию. Что касается первой темы, то она лишь недавно была рассмотрена в работе

38. В чем-то сходный анализ международной кооперации как «двухуровневой игры» – «игры переговоров» структуре соглашения и «игры реализации соглашения» (enforcement) предлагает [Fearon, 1998].

[Bordignon, Brusco, 2006], показывающей, что возможность «более глубокого союза» повышает вероятность распада союза в целом (все игроки, не готовые к «более глубокому союзу» сейчас, понимают, что в будущем им придется столкнуться с дополнительными издержками при присоединении к формирующемуся сегодня «более глубокому союзу», по сравнению с ситуацией, когда все переговоры начнутся с нуля), что созвучно выводам [Etro, 2001]³⁹. Схожие выводы приводятся в [Konstantinidis, 2007], где указывается, что крупные страны могут сознательно «задержать» вхождение третьих стран, чтобы получить возможность сформировать благоприятную для себя институциональную структуру организации. Однако наиболее влиятельной является традиция исследования права на сецессию (или, что эквивалентно, реальной возможности сецессии), начало которой положил Дж. Бьюкенен [Buchanan, Faith, 1987]. Данная литература рассматривает два вопроса: (1) действительно ли право на сецессию ведет к сецессиям и (2) как право на сецессию влияет на уровень централизации (или как угроза сецессии используется в переговорном процессе как источник власти) [Chen, Ordeshook, 1994; Young, 1994; Apolte, 1997; Panizza, 1998; Bordignon, Brusco, 2001; Eerola et al., 2004; Bednar, 2006; Blankart, Koester, 2008].

Наконец, самостоятельным направлением в рамках обсуждаемого подхода является детальный анализ различных *федеральных* институтов как игроков в переговорах. Можно сказать, что торг « $N + 1$ » игроков превращается в торг « $N + K$ » игроков, где участвуют K федеральных структур, которые могут обладать различными «политическими правами собственности», оказывающими различное влияние на развитие федерации в зависимости от происхождения институтов (например, их формирования на основе

39. Проблематика «доступа к федерации» исследуется, например, в литературе по международным соглашениям, показывающей, что разные «системы доступа» (обязательный консенсус всех членов относительно «принятия нового игрока», правило большинства или открытые соглашения) влияют на эволюцию членства и задач структуры [Fon, Parisi, 2005, 2006]. [Park, Philippopoulos, 2003] объединяют данный подход с анализом налоговой конкуренции: решения относительно налогового бремени принимаются отдельными странами-членами клуба, а доступ к клубу определяется центром; в такой ситуации реальное членство в клубе окажется ниже оптимального. Наконец, в работе [Le Breton et al., 2008] показывается, что во множестве регионов существует федеральная структура (то есть совокупность союзов, возможно, допускающих множественное членство, где каждому из регионов присваивается определенный «голос»), устойчивая к угрозе сецессии.

территориального представительства или всеобщих выборов) и их способности обмениваться политическими правами собственности [Alston, Mueller, 2005]. В работе [Vaubel, 1994] приводится (правда, без формулировки математической модели) обзор большого числа игроков, склонных поддерживать чрезмерную централизацию. В исследовании [Bednar, 2004] предлагается модель воздействия предсказуемости судебных решений на соперничество правительств и указывается на снижение вероятности последнего при более предсказуемых судах. Наконец, политологическая литература большое внимание уделяет роли политических партий в вопросах федеральной стабильности, что восходит к Райкеру [Filipov et al., 2004]

Следующий блок составляет литература, исследующая непосредственно роль **политических институтов** в регионах. Если до сих пор мы рассматривали юрисдикции как «единых» игроков, участвующих во взаимодействии, то, конечно, более корректным было бы подробное моделирование политического процесса на региональном и федеральном уровне; то есть вместо абстрактных переговоров рассматривать деятельность парламентов, механизмы голосования и аналогичные вопросы, а «единую» юрисдикцию «разделить» на множество взаимодействующих политических акторов. Конечно, модель «правил переговоров» представляет большой интерес для недемократических государств. Однако в демократических федерациях и международных союзах значительная часть решений принимается на основе институционализированного формального механизма, а не прямого взаимодействия акторов. С одной стороны, политические институты определяют характер воздействия многих описанных выше параметров (например, переговорной власти, перераспределительных мотивов, разнородности или соперничества юрисдикций) на процессы централизации; однако, с другой стороны, сами институты эндогенны, например, по отношению к различиям в предпочтениях⁴⁰.

40. Альтернативный анализ рассматривает политические институты как «производственные функции» для общественных благ. В работе [Wittman, 1991] показывается, что различные политические системы характеризуются различной «экономией от масштаба», — влияет на размер страны и централизацию. Однако идея зависимости размера юрисдикций от технологии производства общественных благ восходит еще к работам Дж. Бьюкенена и Р. Ноэрика [Moss, 1980].

Наиболее общая дискуссия политических систем связана с различием между демократиями и недемократическими системами. В наиболее общем виде [Alesina, Spolaore, 1997] утверждают, что в условиях демократии число стран больше оптимума, в то время как диктатуры, скорее, ведут к меньшему числу стран и слишком большим политическим единицам. В [Alesina, Spolaore, 2003] авторы отходят от описанного «конституционного» уровня анализа размера единственной юрисдикции и описывают проблемы собственно децентрализации в федерации, утверждая, что *демократизация и децентрализация также следуют друг за другом*. Этот же вывод приводится в моделях [Panizza, 1999; Arzaghi, Henderson, 2005]. Этот подход может рассматриваться и в динамической перспективе [Lake, 1997]: диктатуры, наращивая извлечение ренты, повышают неэффективность системы; это ведет к реформам, снижающим неэффективность, но сокращающим «отдачу» от поиска ренты и в конечном счете уменьшающим размер страны. Правда, есть и противоположный подход [Hilman, 2004], указывающий на формирование локальных «недемократических элит»; последние, стремясь к росту рент, могут стимулировать фрагментацию юрисдикций. В международной политической экономии устойчивый вывод предполагает, что демократизация содействует интеграции, то есть, по сути дела, централизации политики. Иначе говоря, результаты демократизации на внутривнутриполитической и международной аренах прямо противоположны друг другу. Аналогичным образом неоднозначными являются выводы работы [Libman, 2008a], где моделируется взаимодействие федерации и региона, обладающих различными политическими системами (демократическая федерация и авторитарный регион).

Однако демократии очевидным образом сильно дифференцируются с точки зрения централизации, что связано с различиями существующих в них конституционных правил. Следуя [Lockwood, 2006], можно выделить два «измерения» анализа: прямую и представительную демократию, с одной стороны, и единый национальный референдум или парламент и двухступенчатую процедуру принятия решений (региональные референдумы / парламенты определяют представителей, участвующих в переговорах) — с другой (то есть требуется ли поддержка большинства

населения или большинства регионов). Таким образом, можно получить четыре типа моделирования, которые пока не все реализованы на практике. К работам, моделирующим особенности эндогенной децентрализации в различных демократических системах, относятся [Crèmèr, Palfrey, 1996; Redoano, Scharpf, 2004; Gradstein, 2004; Lockwood, 2004; Staal, 2004; Ehrke, 2004; Goyal, Staal, 2004; Lorz, Willmann, 2005; Feld, Schaltegger, Schnellenbach, 2006; Schnellenbach, 2006]⁴¹. Среди всего этого разнообразия порой достаточно технических выводов, наверное, следует выделить два. Во-первых, референдум (по сравнению с представительной демократией) является инструментом децентрализации: не случайно Швейцария, одна из самых децентрализованных стран мира, является также одной из стран с наибольшим использованием прямой демократии. Во-вторых, решения граждан на выборах нередко подчиняются логике переговоров, о которой еще в 1960-е гг. Т. Шеллинг писал, что граждане сознательно избирают «радикалов», чтобы добиться больших уступок при торге в процессе децентрализации⁴². Схожие выводы можно получить, если вспомнить, что не только поведение политиков зависит от электората, но и электорат находится под влиянием политиков. [Olofsgard, 2003a] предлагает модель, в которой региональный лидер воздействует на результаты голосования о сессии стратегическим распространением информации. В этой ситуации умеренные избиратели могут сознательно проголосовать за более радикального лидера – сторонника независимости, поскольку полученная информация может усилить их переговорную власть. Тем не менее противоречие между переговорной властью и качеством информации вполне может спровоцировать неэффективные равновесия.

41. Некоторые исследования дают еще более детальное моделирование процессов принятия решений. [Grazzini, Petretto, 2008] рассматривают механизм деволюции в стране с двухпалатным парламентом, практически точно описывая итальянскую политическую систему. Эмпирические исследования связывают внутреннюю политику в демократиях и их членство в международных организациях [Minnich, 2005].

42. Аналогичным образом в моделях конфликтов с политическим смещением избиратели могут поддержать политиков со значительным «смещением». В работе [Lorz, Willmann, 2008] показывается, что эффект стратегического выбора представителей с низкой склонностью к децентрализации усиливается при росте числа стран в союзе, что является одной из причин нелинейной взаимосвязи между расширением круга участников и углублением интеграции.

Как уже говорилось, некоторые авторы эндогенизируют и проблему формирования федеральных институтов. Так, в развитие статьи 1996 г. [Crèmer, Palfrey, 1999] предлагают модель, учитывающую два измерения дизайна федеральных институтов: децентрализацию (описываемую не как выбор между двумя альтернативами, а как континуум) и формат представительства регионов (пропорционально населению или «один регион — один голос»). Оказывается, что оба измерения взаимосвязаны: рост централизации повышает привлекательность пропорционального представительства для крупных территорий и принципа «один регион — один голос» для малых регионов. Использование пропорционального представительства повышает склонность больших регионов к централизации и малых — к децентрализации. Избиратели, расположенные на краю распределения, предпочитают более низкий уровень централизации. Вопросы выбора между формами централизации и механизмами принятия решений рассматриваются также в работах [Wrede, 2004; Goyal, Staal, 2004; Hafer, Landa, 2007].

Указанные работы концентрируются на конституционном уровне. На *постконституционном* уровне, то есть распределении налогов и производства общественных благ между уровнями политической системы при заданных институтах, исследования в рамках традиции эндогенной децентрализации относятся к так называемому переговорному подходу (*bargaining approach*) [Giuranno, 2003]. Несмотря на название, данный подход ориентируется не столько на анализ переговоров, сколько на исследование процедур принятия решений в федеральных парламентах. основополагающая работа в этой области [Besley, Coate, 2003] рассматривает процесс принятия решения относительно централизованного предоставления общественных благ в федеральном парламенте с различными типами коалиций. В [Lockwood, 2002] приводится схожая модель, игнорирующая, однако, внутрорегиональную разнородность и исследующая более широкий набор правил формирования решений в парламенте. [Kessler et al., 2005] добавляют возможность *ex post* переговоров между регионами в децентрализованной схеме предоставления общественных благ.

Следующий подход, который нам хотелось бы рассмотреть, исследует влияние **лоббистских структур** на процесс эндо-

генной централизации. Данная проблема рассматривается лишь немногими исследователями. Как правило, модели стремятся не столько непосредственно описать процесс конституционного выбора, сколько выявить различия в эффективности лоббистской деятельности в условиях централизации и децентрализации (что в косвенной форме свидетельствует о готовности групп интересов поддержать централизационный проект). Двумя другими вопросами являются различия лоббирования в отношении различных типов политики и его последствия для благосостояния. В целом представление о роли лоббизма в процессе централизации неоднородно. Одна традиция, восходящая к Дж. Мэдисону и представленная им в десятом номере знаменитого «Федералиста» за 1788 г., связывает с централизацией сокращение масштабов лоббирования в результате конкуренции многочисленных групп интересов, утрачивающих локальные монополии. Другая, связанная, например, с Монтескье, указывает на прямо противоположный эффект: на федеральном уровне лобби сложнее контролировать, прозрачность решений сокращается и возрастает угроза утраты контроля. С точки зрения Мэдисона, лоббисты поддерживают децентрализацию; для Монтескье они являются сторонниками централизации. Современная литература, вводя множество уточнений и конкретных факторов деятельности групп интересов, во многом остается в рамках спора этих двух подходов, рассматривая также интересы интеграции рынков и централизованного перераспределения. В современной литературе предпочтения лобби по вопросам централизации исследуются в [Vaubel, 1994; Bardhan, Mookherjee, 2000; Carbonara, 2000; Roelfsema, 2004; Redoano, 2004; Bordignon et al., 2005; Brou, Ruta, 2007]. Наконец, [Ruta, 2007] предлагает непосредственную модель влияния лоббистских групп на процесс централизации в зависимости от моделей принятия решений и показывает, что лоббистские структуры всегда поддерживают децентрализацию. В [Brou, Ruta, 2006] рассматривается структура предпочтений в отношении политической интеграции в системе, где влияние национальных лобби в отдельных странах неодинаково: тогда страны с более мощными группами интересов выигрывают от централизации, поскольку получают возможность влиять на решения, принимаемые в других странах.

2.3. Прочие факторы

В завершение хотелось бы коротко упомянуть два других фактора, не нашедших полного отражения в формальных моделях, но, несмотря на это, представляющих значительный интерес. Во-первых, в литературе о децентрализации интерес представляет роль внешнего влияния на процесс распределения полномочий. Вопрос состоит в том, каким образом позиция международных организаций, часто поддерживающих децентрализацию [Sharma, 2005], влияет на эндогенное развитие федераций. В политической науке не случайно принято различать федерализм как идеологию или «организующий принцип» и федерацию как «технический институт» организации отношений юрисдикций. Соответственно, возникает вопрос о существовании «федерализма без федераций» и «федерации без федерализма» [Chebankova, 2008]. Последний вариант мог бы быть связан с прямым или косвенным внешним влиянием, хотя, конечно же, не только с ним: институты федерализма могут, например, функционировать как «предлог» для реализации внешнеполитических амбиций расширения территории [Захаров, 2008]. В этом случае встает вопрос о формальной и неформальной миграции власти в федерациях, о которой мы будем говорить в последнем разделе доклада.

Второй фактор, не нашедший отражения в формальных моделях, но очевидным образом воздействующий на процессы эндогенной децентрализации, — это зависимость от пути развития. Последняя определяет, во-первых, собственно предпочтения в отношении децентрализации («традиционное» стремление к автономии), во-вторых, влияет на степень разнородности предпочтений, в-третьих, в условиях неопределенности воздействует на предположения игроков относительно поведения других участников торга. Введение в анализ зависимости от пути развития в какой-то степени ограничивает «конструктивистский» подход к децентрализации, ставя последнюю в зависимость от длительной политико-экономической эволюции. Проблемы современного немецкого федерализма в какой-то степени можно отнести еще к формированию федеративных институтов в Северогерманском союзе Бисмарка, а возможно — и к характеру политического и

интеллектуального дискурса по вопросам децентрализации в первой половине XIX века [Lehmbruch, 2002]. Сам же немецкий (а также австрийский и швейцарский) федерализм, вне всякого сомнения, является отчасти наследником традиции системы децентрализованного управления Священной римской империи⁴³. Аналогичным образом децентрализация в США, Канаде и Австралии отчасти связана с британской традицией автономии местного самоуправления.

С другой стороны, идея зависимости от пути развития предполагает не только длительные периоды эволюционного развития, но и отдельные эпизоды резких изменений в «бифуркационных точках», когда позиция «отцов-основателей» может оказаться решающей для развития федерализма. Достаточно четко это прослеживается в странах общего права, таких как Австралия [Grewal, Sheehan, 2003] США [Boeckenoerde et al., 2007], где эволюция федераций была тесно связана с деятельностью судов. Проблема «зависимости от пути развития» акцентирует внимание на еще одном ограничении современной литературы в области эндогенной децентрализации: проблематике «объединяющихся федераций» или «федераций для предотвращения полной дезинтеграции». Очевидно, что логика развития первых (США, Германии после Второй мировой войны или Австралии) будет сильно отличаться от особенностей первых (Бельгии). Между тем, кроме немногочисленных моделей асимметричного федерализма [Congleton et al., 2003; Congleton, 2006] и исследований переговоров в конкретных федерациях [Rohas, 2008], большинство работ занимает достаточно упрощенную позицию в отношении этой дихотомии, нередко рассматривая в основном «объединяющиеся федерации». Последние ставят вопрос о соотношении факторов развития и грани федераций и международных союзов; хотя о последней говорил еще Райкер, посвященная ей литература также невелика [Niou, Ordeshook, 1998; Rector, 2006].

43. Обсуждение связи раннего европейского федерализма и имперского опыта, а также империи и федерации вообще приводится в [Каспэ, 2005].

2.4. Эмпирические исследования

Все сказанное до сих пор ограничивалось теоретическими дискуссиями. Интерес, однако же, представлял бы анализ сравнительного влияния различных факторов на процесс централизации в различных странах или регионах мира на основе эконометрических методов. В этой связи важно различать три подхода. Первый непосредственно тестирует описанные выше гипотезы по поводу *формирования юрисдикций*. Конечно, процесс формирования новых юрисдикций редко дает достаточный объем данных для построения регрессий, поэтому в данном случае литература в основном ограничивается отдельными case studies. Но есть и исключения. В [Chakrabarti, Roy, 2004] рассматривается фрагментация индийского штата Мадхья-Прадеш в 2000 г.⁴⁴ Обширнейший материал для исследований дает опыт фрагментации и формирования разного рода юрисдикций на местном уровне в США, где структура часто является результатом референдумов. Достаточно упомянуть работы, исследующие факторы размера и числа юрисдикций в агломерациях с точки зрения «стороны спроса» и «стороны предложения» [Nelson, 1990; Kenny and Schmidt, 1994; Martinez-Vazquez et al., 1997; Fisher and Wassmer, 1998; Wassmer and Fisher, 2000; Mitra, 2004; Alesina et al., 2004; Tkacheva, 2008], «аннексию пригородов» и «сокращение территории» крупных городов [Epple, Romer, 1989; Garasky, Haurin, 1997] и голосование по поводу формирования городов [Musso, 2001]. Схожий анализ имеется для шведских муниципалитетов [Brink, 2003]. Наконец, в работе [Feinstein, 1992] логика, аналогичная теоретической работе [Casella, Feinstein, 2002], используется для имитационного анализа роста и стабильности ЕС как федеративной структуры.

Вторая группа подходов исследует проблемы *постконституционной* децентрализации (то есть анализируется не столько распределение власти, сколько «результат» последнего: соотношение региональных и федерального бюджетов или роли региональных и федеральных законов). Именно в рамках данного направления появ-

44. Похожие исследования могли бы основываться на практике слияния регионов в современной России. С теоретической точки зрения данная проблема обсуждается в [Саввин, 2004].

вились первые эмпирические исследования эндогенной централизации, и оно по-прежнему остается наиболее популярным. Основное внимание уделяется, конечно, фискальной децентрализации: в данном случае преимуществом является наличие обширных рядов данных за длительный период времени для многих стран. Однако институциональная разнородность стран делает общие статистические показатели (публикуемые, например, МВФ) небесспорными [Feld et al., 2008]. Поэтому большой интерес представляет сопоставление внутренней децентрализации (на уровне регионов и органов местного самоуправления) в отдельных федерациях, где данные являются более однородными. Для асимметричных федераций возможно использовать показатели распределения налогового дохода между центром и отдельными регионами.

В данной группе, прежде всего, следует выделить целый ряд работ, рассматривающих децентрализацию в различных выборках стран [Pryor, 1968; Oates, 1972; Kee, 1977; Pommerehne, 1977; Bahl, Nath, 1986; Wasylenko, 1987; Patsouratis, 1990; Vaubel, 1996; Panizza, 1999; Cerniglia, 2003; Garret, Rodden, 2003; Diaz-Cayeros, 2004; Stegarescu, 2006; Arzaghi, Henderson, 2006; Letelier, 2005; Treisman, 2006]. Большинство работ подтверждает предсказания теории: большая территория⁴⁵ и население, более высокий уровень среднедушевого дохода, специфические институты переговоров (федеральный статус, независимый конституционный суд), урбанизация и демократизация содействуют росту децентрализации. Неоднозначной ситуацией является для этнолингвистической разнородности, знак которой в различных регрессиях различается. Наконец, экономическая открытость и региональная интеграция (в ЕС) также сопровождаются децентрализацией. Некоторые авторы выделяют также роль исторического наследия (французские или британские колонии, постсоветские республики) как фактора децентрализации. Среди исследований, анализирующих конкретные государс-

45. География оказывает огромное влияние на процессы децентрализации; для России дистанция от Москвы являлась чуть ли не единственной характеристикой, оказывавшей значимое влияние на все измерения децентрализации в ельцинский период. В этом отношении говорить о «смерти дистанции» явственно преждевременно. В теории географические факторы учитываются в основном косвенно, как факторы, влияющие на разнородность предпочтений или переговорную власть.

тва, особенно выделяются работы, посвященные США [Pryor, 1967; Litvack, Oates, 1970; Giertz, 1976, 1983; Mullen, 1980; Wallis, Oates, 1988; Baker, 2000] и Швейцарии [Feld et al., 2008]. Наконец, Россия является одним из наиболее часто используемых «полигонов» для тестирования теории децентрализации. В работах [Treisman, 1999; Libman, Feld, 2008] используются возможности асимметричной децентрализации для тестирования факторов распределения налогового дохода между центром и регионами. Достаточно четко прослеживается роль факторов переговорной власти (территория и население региона, дистанция от Москвы, приграничное расположение региона как прокси для потенциала сецессии), зависимости от пути развития (статуса республик) и политических факторов (оппозиция губернаторов Ельцину, частые визиты Ельцина в регионы), соответствующая теоретическим предсказаниям. Несколько сложнее ситуация с разнородностью предпочтений (регионы с преимущественно русским населением, например, в 1990–2000-е гг. обладали в среднем более высоким уровнем децентрализации). В ряде работ [Freinkman, Yossifov, 1999; Timofeev, 2001; Freinkman, Plekhanov, 2005] изучаются процессы децентрализации внутри регионов – во взаимодействии с муниципалитетами. [Freinkman, Plekhanov, 2005] констатируют существование так называемого «российского парадокса»: регионы с более высоким ВВП на душу населения и этнолингвистической фракционализацией являются более централизованными (в работе [Timofeev, 2001] ВВП на душу населения имеет знак, предсказанный теорией). С другой стороны, другие переменные соответствуют теории: большие население и урбанизация связаны с большей децентрализацией. В работе также указывается на противоречащий теории знак переменной демократизации, но как показывает [Либман, 2008], причиной отклонения, возможно, является выбор прокси для демократического режима.

Надо сказать, что с рассматриваемой литературой тесно связано еще одно направление исследований: влияние институциональных факторов на *объем расходов* различных уровней федеральной системы. Такой подход позволяет *косвенно* оценить процесс постконституционной децентрализации (если центр сокращает расходы, а регион их наращивает, происходит де-факто децентрализация). Например, [Matusaka, 1995] показывает, что в штатах США

право инициации референдумов (voter initiative) ведет к большему объему расходов на местном уровне и меньшему — на уровне штатов. В [Funk, Gathman, 2004] аналогичным образом рассматриваются расходы кантонов и местных органов власти в Швейцарии и выявляются схожие результаты. [Miller, 1991] аналогичным образом исследует влияние различных типов политической культуры в штатах США на объем центральных (штатов) и местных расходов.

Не менее интересно понять процессы в отношении других, нефискальных аспектов постконституционной децентрализации. К сожалению, в данном случае качество доступных нам показателей значительно хуже. Одним из подходов является использование *специфических политик как «естественных» экспериментов*. Например, в работе [Strumpf, Oberholzer-Gee, 2002] рассматривается политика в области контроля продажи алкогольных напитков в муниципалитетах США в 1934–1970 гг., частично определявшегося штатами, а частично — муниципальными органами. В работе [Graub, Sigman, 2007] аналогичный анализ проводится для некоторых форм экологической политики. Другой подход предполагает исследование *специфических политических ситуаций как «естественных» экспериментов*. В данном случае особенно выделяются страны асимметричного федерализма. [Fernandez et al., 2006] изучают процессы децентрализации в Испании, где регионам был доступен выбор из «каталога» заранее определенных политик (а также рассматривают такой специфический индикатор, как число страниц национальных актов, регулирующих экономическую деятельность), правда, не в контексте эндогенной децентрализации. [Libman, 2008] проводит аналогичный анализ для России, используя данные Федерального реестра законодательных актов и число региональных актов, принятых в 1990-е гг. и противоречащих федеральному праву, как прокси для децентрализации в сфере регулирования в этот период: работа показывает, что основными движущими силами для децентрализации были переговорная власть (дистанция от Москвы) и зависимость от пути развития (статус республики).

Наконец, третью группу составляют исследования *конституционного* уровня децентрализации. В основном конституционный уровень принятия решений также является предметом анализа «case studies» в политологии. В большей степени количест-

венный подход дается [Alesina, Angeloni, Schuknecht, 2005], где указывается на серьезные расхождения в теоретическом и реальном распределении власти в ЕС. Общая проблема эконометрических исследований в данном случае состоит в корректном измерении конституционной централизации. Последняя может описываться или на основе фиктивной переменной и разнообразных индексов [Marks et al., 2008], или с помощью институциональных индексов, или с помощью «скорректированных» бюджетных индикаторов, учитывающих не только формальное распределение доходов и расходов, но и распределение полномочий [Stegarescu, 2006].

Проблема первого подхода – в крайне небольшом числе формальных изменений статуса (от унитарного государства к федерации) в последнем столетии. Индексы децентрализации во многом зависят от параметров их составления и, конечно, хотя бы частично носят субъективный характер. Однако в целом, выводы исследований, применяющих подобные индикаторы (пока только на уровне межстрановых сопоставлений), порой сильно отличаются от анализа постконституционного уровня [Arzaghi, Henderson, 2005; Stegarescu, 2006]. К тому же конституционная децентрализация может исследоваться на основе специфических политических ситуаций⁴⁶. Довольно обширный материал для изучения дает российский опыт, где в качестве объясняемой переменной используется подписание соглашений о распределении полномочий как прокси для децентрализации [Dusseault et al., 2005; Söderlund, 2006; Roseth, 2001]. В [Libman, 2008] конструируется индекс автономии региональных конституций республик в составе Российской Федерации в ельцинский период; впрочем, получить статистически значимые и устойчивые результаты для столь небольшой выборки достаточно сложно. Наконец, [Hennessey, 2008] тестирует роль разнородности предпочтений как фактора децентрализации в контексте введения самоуправления (home rule) муниципалитетов в США. Некоторые работы [Treisman, 2002; Libman, 2008] сопоставляют несколько конс-

46. В некоторой степени связанным с описанным выше подходом является анализ [Diaz-Cayeros, 2004], основанный на непараметрических исследованиях (propensity score matching) для проверки большего соответствия федерации закону фискальной централизации Попица (уже подтвержденного на постконституционном уровне).

титудиионных и постконституцииионных измерений децентрализации с точки зрения различий и сходства влияющих на них факторов.

Естественно, конституцииионный уровень интеграции может исследоваться для международных соглашений и интеграции, где изменение формального статуса сотрудничества игроков встречается значительно чаще, как это делает, например, в анализе эндогенных преференциальных соглашений [Magee, 2003]. Характерным приемом анализа в данном случае является так называемое «исследование диад»: выявление факторов, обуславливающих определенный формат сотрудничества (членство в едином интеграцииионном образовании) для пар стран. Это резко увеличивает количество наблюдений (каждое из которых соответствует одной из пар стран в определенный момент времени), что крайне важно для статистических методов. Например, именно этот подход лежит в основе анализа влияния демократии и вето-игроков на масштабы международного сотрудничества. Однако в данном случае существуют проблемы: наблюдаемым является лишь фактическое состояние сотрудничества, но не принимаемые игроками решения; существуют, однако, модели, учитывающие это обстоятельство [Przeworski, Vreeland, 2002]. Важно помнить, наконец, что решения в федерациях и международных союзах, хотя и носят в принципе сходный характер, могут все же различаться из-за различной сферы регулирования или из-за различий в параметрах взаимодействующих игроков (степени разнородности). Это хорошо показывает уже упомянутая дискуссия о демократии как факторе децентрализации: на уровне международных соглашений консенсус является прямо противоположным — демократии более склонны к интеграции, т.е. к делегированию ряда полномочий на наднациииональный уровень.

На грани конституцииионного и постконституцииионного анализа находится исследование *де-факто* централизации за счет конфигурации власти элит. В данном случае выделяется анализ [Sheng, 2007], посвященный влиянию торговли на централизацию в КНР. Автор использует в качестве зависимой переменной степень интеграции секретарей провинциальных партийных организаций в централизованную структуру партии: речь идет о прокси-переменной, измеряемой по шкале от 1 до 3 в зависимости от биографии секретарей. В результате автор получает, по сути, выводы,

противоречащие гипотезе Алезини и поддерживающие гипотезу Фридмана: рост интеграции в мировую экономику (и соответственно доходов от торговли) ведет к росту бюрократического контроля над администрацией провинции. В этой связи, впрочем, находится еще одно направление анализа, косвенно затрагивающее интересующие нас проблемы: исследование «спроса на децентрализацию» элит и населения регионов. Например, в [de Vries, 2000] изучается отношение к децентрализации элит некоторых европейских стран. Помимо общих факторов (роли размера страны как фактора спроса на децентрализацию), важную роль играет оценка качества государственного управления и общий характер «политической дискуссии»⁴⁷. В [Moussali, 2008] на специфическом примере (голосование граждан «территорий» США в XIX веке за придание им статуса штатов) демонстрируется реальность опасений «логики Мэдисона» в процессе принятия решений.

47. Эти проблемы вообще не нашли отражения в экономической теории, в то время как политологи их рассматривают. Обзор политологической дискуссии о факторах децентрализации дается, например, в [Leon Alfonso, 2002; Bukowski, 1997].

Неформальное перераспределение полномочий

Было бы наивно сводить все вопросы перераспределения полномочий в системах многих юрисдикций к формальным нормам. В литературе принято говорить о «миграции власти» (authority migration) в федерациях [Bednar, 2004a]. Она может происходить по трем направлениям: (1) чрезмерная централизация полномочий со стороны центра, (2) «отлынивание» регионов и (3) «перенос» регионом бремени на другие юрисдикции; подобная миграция является практически неизбежной, снижая тем самым эффективность федеративной системы. Не менее важную роль играет и миграция фискальной автономии [Rodden, 2004]. Естественно, миграция полномочий может быть связана с множеством факторов. Например, структура трансфертов может эффективно ограничить реальную самостоятельность тех или иных уровней государственной системы, в какой-то степени поставив их в зависимость от «финансового допинга» более высокого уровня власти. Практика «мягких бюджетных ограничений», существующая во многих федерациях, также де-факто может содействовать перераспределению полномочий.

Мы, однако, рассмотрим лишь один канал неформальной миграции власти в федерациях, потому что он представлял особенный интерес для российской экономики. Речь идет о так называемом «стратегическом сборе налогов». Во многих федерациях практикуется так называемый «кооперативный федерализм», предполагающий, что принятые центральными органами власти решения реализуются администрацией регионов (в этом его отличие от «дуального федерализма», свойственного США и (формаль-

но) России, где федеральные решения реализуются специальными территориальными органами федеральной исполнительной власти). В такой ситуации для регионов проще не пытаться влиять на федерацию и не вступать в сложный процесс переговоров, а просто-напросто по факту изменить характер исполнения федерального решения на местах. Впрочем, от этого не застрахованы и «дуальные федерации»: в них локальные органы федеральных структур могут быть «захвачены» региональными властями, если последние в силу каких-то причин могут создать более действенные стимулы для их руководителей и сотрудников: так произошло с местными отделениями центрального банка в аргентинских провинциях или налоговыми инспекциями в субъектах федерации ельцинской России [Еникополов и др., 2002; Dabla-Norris et al., 2000].

Классическим примером реализации подобной «децентрализации по факту» является манипуляция интенсивностью и качеством налоговых проверок. Точнее говоря, речь идет о манипуляции на двух уровнях: собственно налогового аудита и, что не менее важно, сбора налогов. Даже выявив недоимку по налогу в процессе аудита, государство во многих случаях не в состоянии реально собрать налог без значительных дополнительных усилий, связанных, например, с судебным процессом. Грань между «уклонением от налогов» и «налоговой оптимизацией» на самом деле (в отличие от учебников) является гибкой и во многом зависит от готовности истца и ответчика инвестировать ресурсы в соперничество в суде. Между тем качество работы налоговых органов в судах часто оказывается достаточно низким: можно вспомнить, что в России налоговые органы в первой половине 2000-х гг. нередко проигрывали судебные дела в силу элементарного отсутствия подготовки доказательств и аргументов; доля проигранных дел по данным самих налоговых органов превышала в 2000–2005 гг. 70% [Libman, Feld, 2008]. Однако ситуация часто оказывается не менее сложной и в других странах: в Италии лишь одно из 10 дел по уклонению от налогов на доходы в связи с нелегальной занятостью не «разваливается» в суде. В 1990-е гг. в России кризис неплатежей привел к тому, что предприятия, по сути дела, «легально» не платили налоги. Однако и в этой ситуации налоговым инспекторам необходимо было «принудить» или «договориться» относительно той или иной схемы зачета

задолженности с органами государственной власти [Treisman, 1998]. Естественно, все это дает обширный простор для манипуляций.

Эти манипуляции могут быть связаны с целым рядом факторов. Во-первых, в условиях отсутствия у регионов должных полномочий в сфере налогового законодательства управление интенсивностью налогового аудита (как и аудита экологического) может являться хорошим способом горизонтальной налоговой конкуренции: есть свидетельства подобной практики в Бельгии, Китае, России и Германии. Во-вторых, уменьшение активности по сбору налогов может позволить регионам получить большие трансферты от федерации (так возникает дополнительная форма налоговой конкуренции, о которой писал еще Р. Масгрейв). В-третьих, в условиях ограниченных ресурсов регионы могут сконцентрировать внимание на сборе региональных налогов, оставив федеральные налоги без должного внимания; так *побочным* эффектом стратегического сбора налогов становится фискальная децентрализация. Последний эффект эмпирически подтверждается для России 1990-х гг., в то время как в 2000-х гг. имеются косвенные свидетельства стратегического сбора налогов в пользу федерального центра [Libman, Feld, 2008]. Аналогичные явления, по всей видимости, присутствовали и в Казахстане в период 1990-х гг., когда это унитарное государство переживало период де-факто децентрализации [Jones Luong, 2000]. Наконец, если доля региона от прироста налоговых поступлений невелика, региональное правительство может вообще утратить заинтересованность в активном налоговом аудите, что приведет к уменьшению интенсивности сбора налогов [Weingast, 2007].

Описанные процессы захвата и установления неформального контроля являются лишь частью разнообразных «миграций власти». Не менее важной может оказаться практика назначения должностных лиц в региональных и центральной администрации; вопросы «добровольной» деятельности федеральных и региональных органов власти; рост престижа и значимости в СМИ должностей определенного уровня, ведущий к соответствующему перетоку «человеческого капитала» амбициозных и способных политиков и бюрократов между федеральными и региональными органами власти (в результате неизбежно влияющий на процесс распределения власти); «защита» регионами предприятий от федерального

Неформальное перераспределение полномочий

налогообложения [Cai, Treisman, 2004]; создание разнородных «внебюджетных» структур для захвата контроля над финансовыми потоками. Анализ данной проблематики, вне всякого сомнения, необходим для адекватного понимания логики и процессов эволюции федеративных систем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическая политика в современном мире, как правило, формируется в системах многих юрисдикций за счет взаимодействия многочисленных территориальных центров государственной власти. В нашей работе мы попытались рассмотреть исследования этого взаимодействия в существующей политико-экономической литературе. Основное внимание мы уделили двум направлениям исследований: *переговорам между государствами с целью централизации политической власти и насильственным конфликтам за перераспределение ресурсов.*

Теория эндогенной децентрализации на сегодняшний день выделяет целый ряд факторов, обуславливающих перераспределение власти в системах многих юрисдикций: разнородность предпочтений, перераспределительные эффекты, влияние конкуренции юрисдикций, переговорную власть, структуру политических институтов и лоббирование групп интересов. Немало вопросов остается за гранью существующих исследований: например, влияние международных организаций на степень централизации в федерациях или роль факторов зависимости от пути развития. При этом постоянно растущая эмпирическая литература подтверждает значимость теоретических моделей для эволюции реальных федеративных государств, в том числе и России. Не меньший интерес вызывают исследования неформальной миграции власти в федерациях, активно ведущиеся сегодня в рамках традиции «федерализма второго поколения».

Заключение

Не меньших успехов в последние годы добилась и экономическая теория конфликтов. Мы смогли достаточно далеко уйти от представления о конфликте как о иррациональном явлении, определяющемся человеческими страстями, и гораздо лучше понимаем рациональные факторы, движущие конфликтующими сторонами. В некоторых случаях, как, например, дискуссии по поводу роли «жадности и бедности» в гражданских войнах, теория рационального выбора позволяет серьезно пересмотреть круг регионов и стран, в наибольшей степени подверженных угрозе конфликта. В то же время многие аспекты теории по-прежнему остаются дискуссионными: достаточно вспомнить, например, споры о возможности и эффективности организованной анархии и о сравнительной эффективности централизованного и децентрализованного порядка предотвращения насилия, по-разному оцениваемых в неоклассической и австрийской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Дементьев В.В. Распределение полномочий между государством и регионами: институциональный аспект. *Экономический вестник РГУ*. 2006. Т. 4. № 4.
- Ениклопов Р., Журавская Е., Гуриев С. *Российский федерализм: сценарии развития*. М.: ЦЭФИР, 2002.
- Захаров А.А. Имперский федерализм. Неприкосновенный запас. 2008. № 1.
- Каспэ С.И. Суррогат империи: о природе и происхождении федеративной политической формы. *ПОЛИС*, 2005. № 4
- Лал Д. *Непреднамеренные последствия*. М., 2007.
- Латов Ю.В. Власть—собственность в средневековой России. *Экономический вестник РГУ*. 2004. Т.2. № 4.
- Либман А.М. Эндогенная (де)централизация и российский федерализм. *Прикладная эконометрика*. 2008. № 1.
- Розов Н.С. *Философия и теория истории*. Кн. 1: Прологомены. М., 2001.
- Саввин А.М. Административно-территориальная реформа в России и политическая теорема Коуза. *Экономический вестник РГУ*. 2005. Т. 3. № 4.
- Черникова Т.В. Средневековое землевладение и проблема феодализма в русской истории. *Общественные науки и современность*. 2005. № 6.
- Янов А. *Россия и Европа: 1462—1921*. Т. 1. Предисловие. Опубликовано на www.polit.ru, 2006.
- Abbink K., Brandts J. *Political Autonomy and Independence: Theory and Experimental Evaluation*. Mimeo, 2006.
- Alesina A., Angeloni I., Etro F. *Institutional Rules for Federations*. Mimeo. 2001.
- Alesina A., Angeloni I., Etro F. *International Unions*. *American Economic Review*. 2005. Vol. 95.
- Alesina A., Angeloni I., Etro F. *The Political Economy of International Unions*. NBER Working Paper № 8645, 2001a.

Литература

- Alesina A., Angeloni I., Schuknecht L. What Does the European Union Do? *Public Choice*. 2005. Vol. 123.
- Alesina A., Baqir R., Hoxby C. Political Jurisdictions in Heterogeneous Communities. *Journal of Political Economy*. 2004. Vol. 112.
- Alesina A., Perotti R. Economic Risk and Political Risk in Fiscal Unions. *Economic Journal*. 1998. Vol. 108.
- Alesina A., Perotti R., Spolaore E. Together or Separately? Issues on the Costs and Benefits of Political and Fiscal Unions. *European Economic Review*. 1995. Vol. 39.
- Alesina A., Spolaore E. On the Number and Size of Nations. *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112.
- Alesina A., Spolaore E. Conflict, Defence Spending, and the Number of Nations. *European Economic Review*. 2005a. Vol. 49.
- Alesina A., Spolaore E. *The Size of Nations*, Cambridge: MIT Press, 2003.
- Alesina A., Spolaore E. War, Peaces, and the Size of Countries. *Journal of Public Economics*. 2005. Vol. 89.
- Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R. Economic Integration and Political Disintegration. *American Economic Review*. 2000. Vol. 90.
- Alston L.J., Mueller B. Pork for Policy: Executive and Legislative Exchange in Brazil. *Journal of Law, Economics and Organization*. 2005. Vol. 22.
- Apolte Th. Secession Clauses: A Tool for the Taming of an Arising Leviathan in Brussels? *Constitutional Political Economy*. 1997. Vol. 8.
- Arzaghi M., Henderson J.V. Why Countries Are Fiscally Decentralizing. *Journal of Public Economics*. 2005. Vol. 89.
- Bahl R., Nath S. Public Expenditure Decentralization in Developing Countries. *Environmental and Planning C: Government and Policy*. 1986. Vol. 4.
- Baker S.H. Does Enhanced Veto Authority Centralize Government? *Public Choice*. 2000. Vol. 104.
- Bakke K.M., Wibbels E. Federalism and Interstate Struggles: The Role of Diversity and Disparity. Mimeo, 2006.
- Baliga, S., Lucca D.O., Stöström T. Domestic Political Survival and International Conflict: Is Democracy Good for Peace? Mimeo, 2007.
- Bardhan P., Mookherjee D. Capture and Governance on Local and National Level. *American Economic Review*. 2000. Vol. 90.
- Barton L. Government Collusion in Janeba's Model of Multijurisdictional Tax Competition. *Economic Bulletin*. 2002. Vol. 8.
- Bednar J. Authority Migration in Federations: A Framework for Analysis. *PS: Political Science & Politics*. 2004a. July.
- Bednar J. Judiciary Predictability and Federal Stability: Strategic Consequences of Institutional Imperfections. *Journal of Theoretical Politics*. 2004. Vol. 16.

Литература

- Bednar J. Valuing Exit Option. Mimeo, 2006.
- Bednar J., Ferejohn J., Garrett G. The Politics of European Federalism. *International Review of Law and Economics*. 1996. Vol. 16.
- Bennour K. The Value of Rents and the Likelihood of Conflicts. Mimeo, 2008.
- Bernauer Th. Staaten im Weltmarkt: Zur Handlungsfähigkeit von Staaten trotz wirtschaftlicher Globalisierung. Opladen: Leschke + Budrich, 2000.
- Besley T., Coate S. Centralized versus Decentralized Provision of Local Public Goods: A Political Economy Analysis. *Journal of Public Economics*. 2003. Vol. 87.
- Besley T., Persson T. State Capacity, Conflict and Development. Mimeo, 2008.
- Besley T., Persson T. War and State Capacity. Mimeo, 2007.
- Bester H., Konrad K.A. Easy Targets and the Timing of Conflict. Mimeo, 2004.
- Bester H., Wärneryd K. Conflict and the Social Contract. *Scandinavian Journal of Economics*. 2006. Vol. 108.
- Bevia C., Corchon L.C. Peace Agreements without Commitment. Mimeo, 2008.
- Blankart C.B., Koester G. Political Economics versus Public Choice: Two Views of Political Economy in Competition *Kyklos*. 2006. Vol. 59 N 2.
- Blankart C.B. The Process of Government Centralization: A Constitutional View. *Constitutional Political Economy*. 2000. Vol. 11.
- Blankart C.B., Koester G. Refocusing the EU Budget – an Institutional View. Mimeo, 2008.
- Boeckenfoerde M., Dann P., Wiesner V. Max Planck Manual on Different Forms of Decentralization. Heidelberg, 2007.
- Boix C., Codenotti B., Restá G. War, Wealth and the Formation of States. Mimeo, 2006.
- Bolton P., Roland G. The Break-up of Nations: A Political Economy Analysis. *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112.
- Bolton P., Roland G., Spolaore E. Economic Theories of the Break-Up and Integration of Nations. *European Economic Review*. 1996. Vol. 40.
- Bond E.W., Syropoulos C. The Size of Trading Blocs: Market Power and World Welfare Effects. *Journal of International Economics*. 1996. Vol. 40.
- Bond E.W., Park J. Gradualism in Trade Agreements with Asymmetric Countries. *Review of Economic Studies*. 2002. Vol. 69.
- Bonfatti R. Decolonization: The Role of Changing World Factor Endowment. Mimeo, 2007.
- Bordignon M., Brusco S. Optimal Secession Rules. *European Economic Review*. 2001. Vol. 45.
- Bordignon M., Brusco S. On Enhanced Cooperation. Mimeo. 2006.
- Bordignon M., Colombo L., Galmarini U. Fiscal Federalism and Lobbying. Mimeo, 2005.

Литература

- Bork R. Centralization of Public Good Supply with Majority Voting. *Finanzarchiv*. 1998. Vol. 55.
- Bowles S., Gintis H. Contested Exchange: Political Economy and Modern Economic Theory. *American Economic Review*. 1988. Vol. 78. N 2.
- Bowles S., Gintis H. Power and Wealth in a Competitive Capitalist Economy. *Philosophy and Public Affairs*. 1992. Vol. 21. N 4.
- Bowles S., Gintis H. Power. Mimeo, 2008.
- Brennan G., Buchanan J.M. *The Power to Tax*. N.Y. 1980.
- Brink A. The Break-Up of Municipalities – Voting Behaviour in Local Referenda. Göteborg University Working Paper. 2003. N 58.
- Brou D., Ruta M. Special Interests and the Gains from Political Integration. *Economics and Politics*. 2005. Vol. 18.
- Brou D., Ruta M. Economic Integration, Political Integration or Both? Mimeo, 2007.
- Brückner M., Ciccone A. Growth, Democracy, and Civil War. Mimeo, 2007.
- Buchanan J.M., Faith R.L. Secession and the Limits of Taxation: Towards a Theory of Internal Exit. *American Economic Review*. 1987. Vol. 77.
- Bucovetsky S. Asymmetric Tax Competition. *Journal of Urban Economics*. 1991. Vol. 30.
- Bucovetsky S. Tax Bloc Formation among Leviathans. Mimeo, 2005.
- Bueno de Mesquita B., Morrow J. D., Siverson R. M., Smith A. An Institutional Explanation of the Democratic Peace. *American Political Science Review*. 1999. Vol. 93, N 4.
- Bukowski J. Decentralization in Spain: A Re-evaluation of Causal Factors. *South European Society and Politics*. 1997. Vol. 2. N 3.
- Burbidge J.B., DePater J.A., Myers G.A., Sengupta A. A Coalition-Formation Approach to Equilibrium Federations and Trading Blocs. *American Economic Review*. 1997. Vol. 87.
- Cai H., Treisman D. State Corroding Federalism. *Journal of Public Economics*. 2004. Vol. 88.
- Carbonara E. Corruption and Decentralization. *Universita di Bologna WP* 342/83, 2000.
- Carbonara E., Parisi F. The Paradox of Legal Harmonization. *Public Choice*. 2007. Vol. 132.
- Caruso R. A Trade Institution as a Peaceful Institution? A Contribution to Integrative Theory. *Conflict Management and Peace Science*. 2006. Vol. 23.
- Casella A. On Markets and Clubs: Economic and Political Integration of Regions with Unequal Productivity. *American Economic Review*. 1992. Vol. 82. N 2.

Литература

- Casella A. Participation in a Currency Union. *American Economic Review*. 1992. Vol. 82.
- Casella A. The Role of Market Size in the Formation of Jurisdictions. *Review of Economic Studies*. 2001. Vol. 68.
- Casella A., Feinstein J.S. Public Goods in Trade: On the Formation of Markets and Jurisdictions, *International Economic Review*. 2002. Vol. 43.
- Casella A., Weingast B.R. Elements of a Theory of Jurisdictional Change, in: Eichengreen B.J., von Hagen J.A. (eds.): *Politics and Institutions in an Integrated Europe*. Springer, 1995.
- Cerniglia F. Decentralization in the Public Sector: Quantitative Aspects in Federal and Unitary Countries. *Journal of Policy Modeling*. 2003. Vol. 25.
- Chakrabarti R., Roy J. Welfare Gains from a Redrawing of Political Boundaries: Evidence from State Reorganization in India. Mimeo, 2004.
- Chebankova E. Adaptive Federalism and Federation in Putin's Russia. *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. N 6.
- Cheikbossian G., Marceau N. Why Is Law Enforcement Decentralized? CIRPEE Working Paper. 2007. N 19.
- Chen Y., Ordeshook P.C. Constitutional Secession Clauses. *Constitutional Political Economy*. 1994. Vol. 5.
- Chiang S.-H., Mahmud A.S. Federations, Coalitions and Risk Diversification. *Public Choice*, 2008, Vol. 137.
- Choi J.-K., Bowles S. The Coevolution of Parochial Altruism and War. *Science*, 2007, Vol. 318.
- Clark D.C., Konrad K.A. Asymmetric Conflict: Weakest Link Against Best Shot. *Journal of Conflict Resolution*. 2007. Vol. 51. N 3.
- Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers*, 2004. Vol. 56.
- Congleton R. Asymmetric Federalism and the Political Economy of Decentralization. In: Ahmad E., Brosio G. (eds.): *Handbook of Fiscal Federalism* Edgar Elgar. 2006.
- Congleton R., Kyriacou A., Bacaria J. A Theory of the Menu Federalism: Decentralization by Political Agreement. *Constitutional Political Economy*. 2003. Vol. 14.
- Cooter R.D. *The Strategic Constitution*. Princeton University Press, 2000.
- Cowen T., Sutter D. Conflict, Cooperation and Competition in Anarchy. *Review of Austrian Economics*. 2005. Vol. 18. N 1.
- Crèmer J., Palfrey T.A. In or Out? Centralization by Majority Vote. *European Economic Review*. 1996. Vol. 40.
- Crèmer J., Palfrey T.A. Political Confederation. *American Political Science Review*. 1999. Vol. 93.

Литература

- Crescenzi M.J.C. Economic Exit, Interdependence and Conflict. Mimeo, 2002.
- Crescenzi M.J.C., Enterline A.J. Ripples from the Waves? A Systemic, Time-Series Analysis of Democracy, Democratization, and Interstate War. *Journal of Peace Research*. 1999. Vol. 36. N 1.
- Currarini S. Voting over Federation. Mimeo, 2004.
- Dabla-Norris E., Martinez-Vazquez J., Norregaard J. Fiscal Decentralization in Russia: Economic Performance and Reform Issues. Mimeo, 2000.
- Dagan N., Volij O. Formation of Nations in a Welfare-Minded World. *Journal of Public Economic Theory*. 2000. Vol. 2. N 2.
- Damjanovic T. Essays in Public Finance. Stockholm School of Economics, PhD Thesis, 2002.
- Das S.P., Ghosh S. Endogenous Trading Bloc Formation in a North-South Global Economy. *Canadian Journal of Economics*. 2006. Vol. 39.
- Dascher K., Haupt A. The Political Economy of Regional Integration Projects Where Rich and Poor Meet. CESifo Working Paper. 2008. N 2280.
- Davis R.B., Naughton H.T. Cooperation in Environmental Policy: A Spatial Approach. Mimeo. 2006.
- De Vries M.S. The Rise and Fall of Decentralization: A Comparative Analysis of Arguments and Practices in European Countries. *European Journal of Political Research*. 2000. Vol. 38.
- Debs A., Goemans H.E. War! Who Is It Good For? The Relationship between Regime Type, the Fate of Leaders, and War. Mimeo, 2008.
- Demange G., Wooders M.H. (eds.): Group Formation in Economics: Networks, Clubs and Coalitions. Cambridge University Press, 2005.
- Diaz-Cayeros A. The Centralization of Fiscal Authority: An Empirical Investigation. Mimeo, 2004.
- Dixit A. Lawlessness and Economics. Princeton University Press, 2004.
- Drezner D.W. Globalization, Harmonization and Competition: the Different Pathways to Policy Convergence. *Journal of European Public Policy*. 2005. Vol. 12.
- Dunne J.P., Garcia-Alonso M.D.C., Levine P., Smith R.P. Managing Asymmetric Conflict. *Oxford Economic Papers*. 2006. Vol. 58.
- Dur R., Staal K. Local Public Good Provision, Municipal Consolidation, and National Transfers. Governance and the Efficiency of Economic Systems Discussion Paper. 2006. N 86.
- Dusseault D., Hansen M.E., Mijhailov S. The Significance of Economy in the Russian Bi-Lateral Treaty Process. *Communist and Post-Communist Studies*. 2005. Vol. 38. N.1.
- Eerola E., Maattanen N., Poutvaara P. Citizen Should Vote on Secession. *Topics in Economic Analysis and Policy*. 2004. Vol. 4. N 1.

Литература

- Efrid B., Kluger J., Genna G.M. From War to Integration: Generalizing Power Transition Theory. *International Interactions*. 2003. Vol. 29.
- Eggert W., Haufler A. When Do Small Countries Win the Tax Wars? *Public Finance Review*. 1998. Vol. 26.
- Ehrke J. Decentralization, Development Assistance and the Danger of Secession. Mimeo, 2004.
- Ellingsen T. Externalities versus Internalities: A Model of Political Integration. *Journal of Public Economics*. 1998. Vol. 68.
- Epple D., Romer T. On the Flexibility of Municipal Boundaries. *Journal of Urban Economics*. 1989. Vol. 26.
- Etro F. International Policy Coordination with Economic Unions. *Rivista Internazionale di Scienze Sociali*. 2001. Vol. 110.
- Etro F. Political Geography. *Public Choice*. 2006. Vol. 127.
- Farber H.S., Gowa J. Common Interests or Common Politics? Reinterpreting the Democratic Peace. *Journal of Politics*, 1997, Vol. 59. N 2.
- Fearon J.D. A Simple Political Economy of Relations among Democracies and Autocracies. Mimeo, 2008.
- Fearon J.D. Bargaining, Enforcement, and International Cooperation. *International Organization*. 1998. Vol. 52. N 2.
- Fearon J.D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes. *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. N 3.
- Fearon J.D. Fighting Rather Than Bargaining. Mimeo, 2007.
- Feinsten J.S. Public-Good Provision and Political Stability in Europe. *American Economic Review*. 1992. Vol. 82.
- Feld L.P. Aufgabenverteilung und Finanzbeziehungen in einer bundesstaatlichen Ordnung, in: Bauer H., Pitlik H., Schratzenstaller M. (Hrsg.): Reformen der vertikalen Aufgabenverteilung und Verwaltungsmodernisierung im Bundesstaat. Wien, Graz: NVV, 2008.
- Feld L.P., Kerber W. Mehr-Ebenen-Jurisdiktionssysteme: Zur variablen Architektur der Integration. In: Vollmer U. (Hrsg.): Ökonomische und politische Grenzen von Wirtschaftsräumen. Berlin: Duncker & Humblott, 2006.
- Feld L.P., Schaltegger C.A., Schnellenbach J. On Government Centralization and Fiscal Referendums: A Theoretical Model and Evidence from Switzerland. *European Economic Review*. 2008. Vol. 52. N 4.
- Feld L.P., Schaltegger C.A., Schnellenbach J. The Impact on Referenda on the Centralization of Public Good Provision: A Political Economy Approach. CESifo Working Paper N 1083, 2006.
- Fernández, F., Mediavilla, J., Graells, A. Decentralisation, Regulatory Burden and Economic Development in Spain. Mimeo, 2006.

Литература

- Figueiredo, R.J.P. de, Weingast B.R. Self-Enforcing Federalism. *Journal of Law, Economics and Organization*. 2005. Vol. 21.
- Filippov M. Riker and Federalism. *Constitutional Political Economy*. 2005. Vol. 16.
- Filippov M., Ordershook P.C., Shvetsova O. *Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Fisher R., Wassmer R.W. Economic Influences on the Structure of Local Government in the U.S. Metropolitan Areas. *Journal of Urban Economics*. 1998. Vol. 43.
- Fon V., Parisi F. Formation and Accession to International Treaties. Mimeo, 2005.
- Fon V., Parisi F. The Economics of Treaty Ratification. Mimeo. 2006.
- Fordham B.O., Walker T.C. Kantian Liberalism, Regime Type, and Military Resource Allocation: Do Democracies Spend Less? *International Studies Quarterly*. 2005. Vol. 49.
- Forslid R. Tax Competition and Agglomeration: Main Effects and Empirical Implications. *Swedish Economic Policy Review*. 2005. Vol. 13.
- Freinkman L., Plekhanov A. What Determines the Extent of Fiscal Decentralization? The Russian Paradox. *World Bank Working Paper*. 2005.
- Freinkman L., Yossifov P. Decentralization in Regional Fiscal Systems in Russia: Trends and Links to Economic Performance. *World Bank Policy Research Working Paper N 2100*, 1999.
- Friedman D. A Theory of the Size and Shape of Nations. *Journal of Political Economy*. 1977. Vol. 85.
- Fung K.C., Schneider P.C. Asymmetric Integration. *International Journal of Applied Economics*. 2006. Vol. 2.
- Funk P., Gathmann C. Explaining the Effect of Direct Democracy on Policy Outcomes: Preferences Matter! *Stanford Centre for International Development Working Paper N 248*, 2005.
- Gangopadhyay P. Irrationality, Non-Equilibrium Conflict and Complex Dynamics. *Peace Economics, Political Science and Public Policy*. 2007. Vol. 13. N 2.
- Garance G., Skaperdas S. Investing in Conflict Management. *Journal of Conflict Resolution*. 2002. Vol. 46. N 1.
- Garasky S., Haurin D.R. Tiebout Revisited: Redrawing Jurisdictional Borders. *Journal of Urban Economics*. 1997. Vol. 42.
- Garfinkel M.R. Domestic Politics and International Conflict. *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. N 5.

Литература

- Garfinkel M.R. Global Threats and the Domestic Struggle for Power. *European Journal of Political Economy*. 2004a. Vol. 20.
- Garfinkel M.R. On The Stability of Group Formation: Managing the Conflict Within. *Conflict Management and Peace Science*. 2004b. Vol. 21.
- Garfinkel M.R. Stable Alliance Formation in Distributional Conflict. *European Journal of Political Economy*. 2004. Vol. 20.
- Garfinkel M.R., Skaperdas S. Conflict without Misperceptions or Incomplete Information. *Journal of Conflict Resolution*. 2004. Vol. 44. N 6.
- Garfinkel M.R., Skaperdas S. Conflicts without Misinterpretations or Incomplete Information: How the Future Matters. *Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44. N 6.
- Garfinkel M.R., Skaperdas S., Syropoulos C. Globalization and Domestic Conflict. *Journal of International Economics*. 2008. December (forthcoming).
- Garfinkel M.R., Skaperdas S., Syropoulos C. Globalization and Insecurity: Reviewing Some Basic Issues. Forthcoming in Hess, G.D. (ed.): *Guns and Butter: The Economic Causes and Consequences of Conflict*. MIT Press, 2008a.
- Garret G., Rodden J. Globalization and Fiscal Decentralization. In: Kahler M., Lake D.A. (eds.) *Governance in a Global Economy*. Princeton, 2003.
- Gaubatz K.T. Democratic States and Commitment in International Relations. *International Organization*. 1996. Vol. 50. N 1.
- Genna G.M., Hiroi T. Power Preponderance and Domestic Politics: Explaining Regional Economic Integration in Latin America and the Caribbean, 1960-1997. *International Interactions*. 2004. Vol. 30.
- Genna G.M., Hiroi T. Regional Power in the Development of Mercosul. *Latin American Perspectives*. 2007. Vol. 34. N 5.
- Genna G.M., Hiroi T. The Effects of Unequal Size: Costs and Benefits of Unilateral Action in the Development of MERCOSUR. *Journal of Developing Societies*. 2005. Vol. 21 N 3-4.
- Genschel P., Plümper T. Regulatory Competition and International Cooperation. *Journal of European Public Policy*. 1997. Vol. 4.
- Giertz J.F. Decentralization at the State and Local Level: An Empirical Analysis. *National Tax Journal*. 1976. Vol. 295.
- Giertz J.F. State-Local Centralization and Income: A Theoretical Framework and Further Empirical Results. *Public Finance*. 1983. Vol. 38. N 3.
- Giuranno M.G. Central Government Decision Making on Public Goods: Utilitarian versus Bargaining Approach. *Mimeo*, 2003.
- Gleditsch N.P., Hegre H. Peace and Democracy: Three Levels of Analysis. *Journal of Conflict Resolution*. 1997. Vol. 41. N 2.

Литература

- Goyal S., Staal K. The Political Economy of Regionalism. *European Economic Review*. 2004. Vol. 48.
- Gradstein M. Political Bargaining in a Federation: Buchanan Meets Coase. *European Economic Review*. 2004. Vol. 48.
- Gradstein M. The Political Economy of Sustainable Federations. CESifo Working Paper N 315, 2000.
- Grazzini L., Petretto A. Voting on Devolution in a Federal Country with a Bicameral National System. Mimeo, 2008.
- Grewal B., Sheehan P. The Evolution of Constitutional Federalism in Australia: An Incomplete Contract Approach. CSES Working Paper. N 22. 2003.
- Grossman H.I., Kim M. Swords or Plowshares? A Theory of the Security of Claims to Property. *Journal of Political Economy*. 1995. Vol.103.
- Grossman H.I., Mendoza J. Annexation or Conquest? The Economics of Empire Building. NBER Working Paper N 8109. 2001.
- Grossman H.I., Mendoza J. Butter and Guns: Complementarity between Economic and Military Competition. *Economics of Governance*. 2001a. Vol. 2.
- Guidolin M., La Ferrara E. Diamonds Are Forever, Wars Are Not: Is Conflict Bad for Private Firms? Federal Reserve Bank of St. Lewis Working Paper N 2005-004C, 2005.
- Hafer C., Landa D. Public Goods in Federal Systems. *Quarterly Journal of Political Science*. 2007. Vol. 2.
- Haimanko O., Le Breton M., Weber S. Transfers in a Polarized Country: Bridging the Gap between Efficiency and Stability. *European Economic Review*. 2005. Vol. 89.
- Haufler A., Wooton I. Country Size and Tax Competition for Foreign Direct Investments. *Journal of Public Economics*. 1999. Vol. 71.
- Hegre H. Size Asymmetry, Trade and Militarized Conflict. *Journal of Conflict Resolution*. 2004. Vol. 48. N 3
- Hennessey J. The Adoption of Constitutional Home Rule: A Test of Endogenous Policy Decentralization. Mimeo, 2008.
- Herrmann-Pillath C. Diversity, Identity and the Indeterminacy of the Size of Nations. *European Journal of Law and Economics*, forthcoming in 2008.
- Hilman A.L. Political Institutions, Jurisdictional Boundaries and Rent Creation. *Keio Economic Studies*. 2005. Vol. 41. N 1–2.
- Hindriks J., Peralta S., Weber S. Revenue Sharing in a Heterogeneous Federation. Mimeo, 2005.
- Hirshleifer J. Anarchy and Its Breakdown. *Journal of Political Economy*. 1995. Vol. 103, N 1.

Литература

- Hirshleifer J. Competition, Cooperation and Conflict in Economics and Biology. *American Economic Review*. 1978. Vol. 68. N 2.
- Hirshleifer J. The Determinants of Power. UCLA Working Paper. N 582. 1990.
- Hirshleifer J. The Macrotechnology of Conflict. *Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44. N 6.
- Hirshleifer J. The Technology of Conflict as an Economic Activity. *American Economic Review*. 1991. Vol. 81. N 2.
- Hirshleifer J. Conflict and Rent-Seeking Success Functions: Ratio vs. Difference Models of Relative Success. *Public Choice*. 1989. Vol. 63.
- Hoffmann M. The Social Benefit of War. MPRA Working Paper. N 6196. 2007.
- Hoppe H.-H. (ed.): *The Myths of National Defence: Essays on the Theory and History of Security Production*. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 2003.
- Hoppe H.-H. The Private Production of Defence. *Journal of Libertarian Studies*. 1999. Vol. 14. N 1.
- Hug S. Federal Stability in Unequal Societies. *Constitutional Political Economy*. 2005. Vol. 16.
- Hwang P., Burgers W.P. Apprehension and Temptation: The Forces against Cooperation. *Journal of Conflict Resolution*. 1999. Vol. 43. N 1.
- Iaryczower M., Saiegh S., Tommasi M. *Coming Together: The Industrial Organization of Federalism*. Mimeo, 1999.
- Jackson M.O., Morelli M. Political Bias and War. *American Economic Review*. 2007. Vol. 97. N 4.
- Jensen H. Sustaining Policy Coordination Between Economies of Different Size. *Journal of International Economics*. 1994. Vol. 36.
- Jones Luong P. Economic Decentralization in Kazakhstan: Causes and Consequences. In: Jones Luong P. (ed.): *The Transformation of Central Asia*, Ithaca: Cornell University Press, 2004.
- Jones P. Colluding Victims: A Public Choice Analysis of International Alliances. *Public Choice*. 2007. Vol. 132.
- Kadera K.M., Crescenzi M.J.C., Shannon M.L. Democratic Survival, Peace, and War in the International System. *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 47. N 2.
- Kanbur R., Keen M. *Jeux Sans Frontieres: Tax Competition and Tax Coordination when Countries Differ in Size*. *American Economic Review*. 1993. Vol. 83 N 4.
- Kang D.C. The Theoretical Roots of Hierarchy in International Relations. *Australian Journal of International Affairs*. 2004. Vol. 58. N 3.

Литература

- Kapstein E.B. The Political Economy of International Cooperation: A View from Fairness Economics. Mimeo, 2006.
- Karayalcin C. Divided We Stand, United We Fall: The Hume-Weber-Jones Mechanism for the Rise of Europe. Mimeo, 2004.
- Kee W.S. Fiscal Decentralization and Economic Development. *Public Finance Quarterly*. 1977. Vol. 5. N 1.
- Kellermann K. "Kosten der Kleinheit" und die Föderalismusdebatte in der Schweiz. *Perspektiven der Wirtschaftspolitik*. 2008. Bd. 9. N 2.
- Kennan J., Riezman R. Do Big Countries Win Tariff Wars? *International Economic Review*. 1988. Vol. 29 N 1.
- Kenny L.W., Schmidt A.B. The Decline of the Number of School Districts in the U.S., 1950–1980. *Public Choice*. 1994. Vol. 79.
- Kessler A., Lüftsmann C., Myers G.C. Federations, Constitutions and Bargaining. Mimeo, 2005
- Kimenyi, M.S., Mbaku J.M. Rents, Military Elites, and Political Democracy. *European Journal of Political Economy*. 1995. Vol. 11.
- Konishi H. On Efficient Jurisdiction Structures in a Simple Local Public Goods Economy with Interjurisdictional Trade. *Economics Bulletin*. 2001. Vol. 8. N 2.
- Konrad K. Strategy in Contest – An Introduction. WZB Working Paper SP II 2007 – 01, 2007.
- Konrad K.A., Skaperdas S. The Market for Protection and the Origin of State. Mimeo, 2006.
- Konstantinidis N. Gradualism and Uncertainty in International Union Formation. Mimeo, 2007.
- Köthenbürger M. Leviathans, Federal Transfers and the Cartelization Hypothesis. *Public Choice*. 2005. Vol. 122
- Kumar V. Designing Secession-Proof States: Conflict over Size of Provinces. Mimeo, 2008.
- Lacomba J.A., Lagos F.M., Reuben E., van Winden F. After the War: An Experimental Study of Post-Conflict Behavior. Mimeo, 2007.
- Lake D. The Rise, Fall and Future of the Russian Empire: A Theoretical Interpretation. In: Dawisha K., Parrott B. (eds.) *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective*. N.Y. 1997.
- Lake D.A. *Power in International Relations*. Cornell University Press, 2009.
- Lake D.A., O'Mahony A. Territory and War. In: Kahler M., Walter B. (eds.) *Territoriality and Conflict in an Era of Globalization*. NY: Cambridge University Press, 2006.
- Le Breton M., Makarov V., Savvateev A., Weber S. Multiple Membership and Federal Structures. Mimeo, 2008.

Литература

- Le Breton M., Weber S. The Way of Making Everybody Happy: How to Prevent a Secession. IMF Staff Papers. 2003. Vol. 50.
- Leeds B.A. Domestic Political Institutions, Credible Commitments, and International Cooperation. American Journal of Political Science, 1999, Vol. 43, N 4.
- Leeson P.T. Anarchy, Monopoly, and Predation. Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2007. Vol. 163.
- Leeson P.T. Efficient Anarchy. Public Choice. 2006. Vol. 130. N 1–2.
- Lehmbruch G. Der unitarische Bundesstaat in Deutschland: Pfadabhängigkeit und Wandel. Max Planck Institut für Gesellschaftsforschung Working Paper N 2. 2002.
- Leite-Monteiro M., Sato M. Economic Integration and Fiscal Devolution. Journal of Public Economics. 2003. Vol. 87.
- Leon Alfonso S. Explanatory Factors of Fiscal Decentralization. Mimeo, 2002.
- Leon G.J. Wars and Coups: Micro-Foundations of Military Action. Mimeo, 2008.
- Letelier L. Explaining Fiscal Decentralization. Public Finance Review. 2005. Vol. 33.
- Levy G., Razin R. It Takes Two: An Explanation for the Democratic Peace. Journal of the European Economic Association, 2004, Vol. 2, N 1.
- Libman A. Constitutions, Regulations, and Taxes: Contradictions of Different Aspects of Decentralization. Mimeo, 2008.
- Libman A. Devolution in (Non-Democracies). Mimeo, 2008a.
- Libman A., Feld L.P. Strategic Tax Collection and Fiscal Decentralization: The Case of Russia. Mimeo, 2008.
- Litvack J.M., Oates W. Group Size and the Output of Public Goods. Public Finance. 1970. Vol. 25.
- Lockwood B. Decentralization via Federal and Unitary Referenda. Journal of Public Economic Theory. 2004. Vol. 6.
- Lockwood B. Distributive Politics and the Costs of Centralization. Review of Economic Studies. 2002. Vol. 69.
- Lockwood B. Fiscal Decentralization: A Political Economy Perspective. In: Ahamad E., Brosio G. (eds.). Handbook of Fiscal Federalism. Edward Elgar, 2006.
- Loeper A. Federal Directives and Local Discretion. Mimeo, 2008.
- Lorz O., Willmann G. Enlargement vs. Deepening: The Trade-Off Facing European Unions. Mimeo, 2008.
- Lorz O., Willmann G. On the Endogenous Allocation of Decision Powers in Federal Structures. Journal of Urban Economics. 2005. Vol. 57.
- Magee C.S. Endogenous Preferential Trade Agreements: An Empirical Analysis. Contributions to Economic Analysis and Policy. 2003. Vol. 2. N 1.

Литература

- Mansfield E.D., Pollins B.M. The Study of Interdependence and Conflict. *Journal of Conflict Resolution*. 2001. Vol. 45. N 6.
- Marks G., Hooghe L. Optimality and Authority: A Critique of Neoclassical Theory. *Journal of Common Market Studies*. 2000. Vol. 38.
- Marks G., Hooghe L., Schakel A.H. Regional Authority in 42 Countries, 1956–2006: A Measure and Five Hypotheses. Special Issue of *Regional and Federal Studies*. 2008. Vol. 18. N 2–3.
- Martinez-Vazquez J., Rider M., Walker M.B. Race and the Structure of Local Government. *Journal of Urban Economics*. 1997. Vol. 41.
- Matsusaka J.G. Fiscal Effects of the Voter Initiative: Evidence from the Last 30 Years. *Journal of Political Economy*. 1995. Vol. 103.
- Mayer W. Theoretical Considerations on Negotiated Tariff Adjustments. *Oxford Economic Papers*, 1981, Vol. 33.
- McGuire M.C. Property Distribution and Configuration of Sovereign States: A Rational Economic Model. *Defense and Peace Economics*. 2002. Vol. 13. N 4.
- McKay R.J. Winston Bush's Contribution to Public Choice: Anarchy, Politics, and Population. Fifth Annual Lecture in the Virginia Political Economy Lecture Series. 1989.
- McLaughlin Mitchell S., Gates S. Hegre H. Evolution in Democracy War Dynamics. *Journal of Conflict Resolution*. 1999. Vol. 43. N 6.
- Miller D.Y. The Impact of Political Culture on Patterns of State and Local Government Expenditures. *Publius*. 1991. Vol. 21.
- Minnich D.J. Veto Players, Electoral Incentives and International Commitments. *European Journal of Political Research*. 2005. Vol. 44.
- Mitra A. State Rules and Population Heterogeneity on the Formation of New Jurisdictions in Major U.S. Metropolitan Areas. *Journal of Economics and Economic Education Research*. 2004. Vol. 5. N 2.
- Moss L.S. Optimal Jurisdictions and the Economic Theory of the State: Or, Anarchy and One-World Government as the Corner Solution. *Public Choice*. 1980. Vol. 35.
- Moussali S.D. The Fiscal Effect of Statehood: New Mexico and Arizona, 1903–1919. *Public Choice*. 2008. Vol. 137.
- Muenster J. Simultaneous Inter- and Intra-Group Conflicts. *Economic Theory*. 2007. Vol. 32.
- Muenster J., Staal K. War with Outsiders Makes Peace Inside. Mimeo, 2007.
- Mullen J.K. The Role of Income in Explaining State-Local Fiscal Decentralization. *Public Finance*. 1980. Vol. 35. N 2.
- Musso J.A. The Political Economy of City Formation in California: Limits to Tiebout Sorting. *Social Science Quarterly*. Vol. 82. N 1.

Литература

- Myers G. M., Sengupta A. Equilibrium Constitution in a Federal System. Mimeo, 2002.
- Nelson M.A. Decentralization of the Subnational Public Sector. *Southern Economic Journal*. 1990. Vol. 57.
- Niou E.M.S., Ordeshook P.C. Alliances versus Federations: An Extension of Riker's Analysis of Federal Formation. *Constitutional Political Economy*. 1998. Vol. 9.
- Oates W. Toward a Second-Generation Theory of Fiscal Federalism. *International Tax and Public Finance*. 2005. Vol. 12. N 4.
- Oates W. *Fiscal Federalism*. N.Y. 1972.
- Olofsgard A. Incentives of Secession in the Presence of Mobile Ethnic Groups. *Journal of Public Economics*. 2003. Vol. 87.
- Olofsgard A. Secessions and Political Extremism: Why Regional Referenda Do Not Solve the Problem? Mimeo, 2003a.
- Olson M., Zeckhauser R. An Economic Theory of Alliances. *Review of Economics and Statistics*, 1966, Vol. 48.
- Panizza U. Decentralization as a Mechanism to Prevent Secession. *Economic Notes*. 1998. Vol. 27.
- Panizza U. On the Determinants of Fiscal Centralization: Theory or Evidence. *Journal of Public Economics*. 1999. Vol. 74.
- Park H., Philippopoulos A. Choosing Club Membership under Tax Competition and Free Riding. CESifo Working Paper N 985, 2003.
- Patsouratis V.A. Fiscal Decentralization in the EEC Countries. *Public Finance*. 1990. Vol. 45. N 3.
- Patti D.M.A., Sobbrío G. Living in a Jungle or Together and in Peace? Mimeo, 2008.
- Peceny M., Bee C.C., Sanches-Terry S. Dictatorial Peace? *American Political Science Review*. 2002. Vol. 96. N 1.
- Peralta S., van Ypersele T. Factor Endowments and Welfare Levels in an Asymmetric Tax Competition Game. *Journal of Urban Economics*. 2005. Vol. 57.
- Perroni C., Scharf K. Tiebout with Politics: Capital Tax Competition and Constitutional Choices. *Review of Economic Studies*. 2001. Vol. 68.
- Petersen K.K. There Is More In The Story than 'Us-Versus-Them': Expanding the Study of Interstate Conflict and Regime Type Beyond a Dichotomy. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. 2008. Vol. 14. N 1.
- Pommerehne W. Quantitative Aspects of Federalism: A Survey of Six Countries. In: Oates W. (ed.): *The Political Economy of Fiscal Federalism*. Lexington, 1977.

Литература

- Powell B., Stringham E.P. Public Choice and the Economic Analysis of Anarchy: A Survey. Suffolk University Research Working Paper. N 7. 2008.
- Pryor F. Elements of a Positive Theory of Public Expenditures. Finanzarchiv. 1967. Bd. 26. N 3.
- Pryor F.L. Public Expenditures in Communist and Capitalist Nations. L., 1968.
- Przeworski A., Vreeland J.R. A Statistical Model of Bilateral Cooperation. Political Analysis. 2002. Vol. 10. N 2.
- Ravlo H., Gleditsch N.P., Dorussen H. Colonial War and the Democratic Peace. Journal of Conflict Resolution. 2003. Vol. 47. N 4.
- Ray J.L. Does Democracy Cause Peace? Annual Review of Political Science. 1998. Vol. 1.
- Rector C. Federalism and International Organizations. Mimeo, 2006.
- Redoano M. Does Centralization Affect the Number and Size of the Lobbies? CSGR Working Paper № 146/04, 2004.
- Redoano M., Scharf K.A. The Political Economy of Policy Centralization: Direct versus Representative Democracy. Journal of Public Economics. 2004. Vol. 88.
- Reed W. Information and Economic Interdependence. Journal of Conflict Resolution. 2003. Vol. 47. N 1.
- Rocco L., Ballo Z. Provoking a Civil War. Public Choice. 2008. Vol. 134.
- Rodden J. On the Migration of Fiscal Sovereignty. PS: Political Science & Politics. 2004. July.
- Roelfsema H. Legislative Bargaining and Lobbying in the EU. Mimeo, 2004.
- Rohac D. Why Did the Austro-Hungarian Empire Collapse? A Public Choice Perspective. Constitutional Political Economy. Forthcoming in 2008.
- Rohner D. From Rags to Rifles: The Economics of Deprivation, Conflict, and the Welfare State. Mimeo, 2008.
- Roseth T. Regionalization: Disadvantages for the Development of Sub-National Democracy. Mimeo, 2001.
- Ross M. A Closer Look at Oil, Diamonds, and Civil War. Annual Review of Political Science. 2006. Vol. 9.
- Ruta M. Economic Theories of Political (Dis)Integration. Journal of Economic Surveys. 2005a. Vol. 19.
- Ruta M. Lobbying and Endogenous (De)Centralization. Mimeo, 2007.
- Sandler T. Alliance Formation, Alliance Expansion and the Core. Journal of Conflict Resolution. 1999. Vol. 43.
- Sandler T., Hartley K. (eds.): Handbook of Defense Economics. Vol. 1 and Vol. 2. Amsterdam: North Holland, 1995 and 2007.
- Sandler T., Hartley K. Economics of Alliances: The Lessons for Collective Action. Journal of Economic Literature. 2001. Vol. 39.

Литература

- Schnellenbach J. Rent Extraction, Political Institutions and the Centralization of Public Good Provision. Мimeo, 2006.
- Sharma C.P. Why Decentralization? The Puzzle of Causation. Synthesis. 2005. Vol. 3. N 1.
- Sheng Y. Global Market Integration and Central Political Control: Foreign Trade and Intergovernmental Relations in China. Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40. N 4.
- Skaperdas S. An Economic Approach to Analyzing Civil Wars. Economics of Governance. 2008. Vol. 9. N 1.
- Skaperdas S. Conflict and Attitudes Towards Risk. American Economic Review. 1991. Vol. 91.
- Skaperdas S. Cooperation, Conflict and Power in the Absence of Property Rights. American Economic Review. 1992. Vol. 92.
- Skaperdas S. Restraining the Genuine Home Economicus: Why the Economy Cannot Be Divorced from Its Governance. Economics and Politics. 2003. Vol. 15. N 2.
- Skaperdas S. Warlord Competition. Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. N 4.
- Skaperdas S., Syropoulos C. Guns, Butter, and Openness: On the Relationship between Security and Trade. American Economic Review. 2001. Vol. 91. N 2.
- Skaperdas S., Syropoulos C. Insecure Property Rights and the Efficiency of Exchange. Economic Journal. 2002. Vol. 112.
- Söderlund P. The Dynamics of Federalism in Russia: A Study of Formal and Informal Power Resources of the Regional Chief Executives in Russian Centre-Region Relations. Abo, 2006.
- Spolaore E. Civil Conflicts and Secessions. Мimeo, 2007.
- Spolaore E. Economic Integration, International Conflict and Political Unions. Rivista de Politica Economia. 2004. September–October.
- Spolaore E. Efficiency and Stability of National Borders. Мimeo, 2008.
- Spolaore E. National Borders and the Size of Nation. Мimeo, 2005.
- Staal K. Country Size and Public Good Provision. Tinbergen Institute Discussion Paper TI 2004-026/1, 2004.
- Staal K. Incentives for Separation and Incentives for Public Good Provision. Governance and the Efficiency of Economic Systems Discussion Paper № 104, 2006.
- Staal K. Voting, Public Goods and Violence. Erasmus University Rotterdam, PhD Thesis, 2005.
- Stegarescu D. Decentralizing Government in an Integrating World. Heidelberg: Physica, 2006.

Литература

- Stöwhase S. Asymmetric Capital Tax Competition with Profit Shifting. *Journal of Economics*. 2005. Vol. 85. N 2.
- Stringham E. Overlapping Jurisdictions, Proprietary Communities, and Competition in the Realm of Law. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 2006. Vol. 162.
- Strumpf K.S., Oberholzer-Gee F. Endogenous Policy Decentralization: Testing the Central Tenet of Economic Federalism. *Journal of Political Economy*. 2002. Vol. 110.
- Sutter D. Asymmetric Power Relations and Cooperation in Anarchy. *Southern Economic Journal*. 1995. Vol. 61.
- Tangeras T. Democracy, Autocracy, and the Likelihood of International Conflict. IFN Working Paper. N 751, 2008.
- Teng J. An Economic Theory of the World History: Military Revolution, Political Competition and the Course of Civilisations. Mimeo, 2005.
- Timofeev A. Subnational Decentralization and Empirical Study of Regional and Local Government in Russia. Mimeo, 2001.
- Tkacheva O. New Cities, Local Officials, and Municipal Incorporation Laws: A Supply-Side Model of City Formation. *Journal of Urban Affairs*. 2008. Vol. 30. N 2.
- Traub L.G., Sigman H. "Cooperative Federalism" as a Strategic Interaction: Voluntary Decentralization in Environmental Policy. NBER Working Paper. N 13238. 2007.
- Treisman D. Explaining Fiscal Decentralization: Geography, Colonial History, Economic Development and Political Institutions. *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*. 2006. Vol. 44. N 3.
- Treisman D.S. Defining and Measuring Decentralization: A Global Perspective. Mimeo, 2002.
- Treisman D.S. After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999.
- Treisman D.S. Russia's Taxing Problem. *Foreign Policy*. Fall 1998.
- Ugur M. (Re)theorizing European Integration under Globalisation: A Political Economy Approach. *European Political Economy Review*. 2004. Vol. 2. N 1.
- Vaubel R. A History of Thought on Institutional Competition, in: Bergh A., and Höijer R. (eds.): *Institutional Competition*. Cheltenham: Elgar.
- Vaubel R. Constitutional Safeguards against Centralization in Federal States: An International Cross-Section Analysis. *Constitutional Political Economy*. 1996. Vol. 7.
- Vaubel R. The Political Economy of Centralization and the European Community. *Public Choice*. 1994. Vol. 81.

Литература

- Volckart O. Wettbewerb und Wettbewerbsbeschränkung in Politik und Wirtschaft, Marburg: Metropolis, 2002.
- Wallis JJ, Oates W. Decentralization in the Public Sector: An Empirical Study of State and Local Government. In: Rossen H. (ed.): Fiscal Federalism: Quantitative Studies. Chicago, 1988.
- Wärneryd K. Distributional Conflict and Jurisdictional Organization. Journal of Public Economics. 1998. Vol. 69.
- Wassmer R.W., Fisher R.C. Time, Tiebout, and Transition in the Structure of Local Government in the U.S. Metropolitan Areas. Mimeo, 2000.
- Wasylenko M. Fiscal Decentralization and Economic Development. Public Budgeting and Finance. 1987. Vol. 7. N 4.
- Weingast B. Second Generation Fiscal Federalism: Implications for Decentralized Democratic Governance and Economic Development. Mimeo, 2007.
- Weingast B., Wittman D. (eds.): The Oxford Handbook of Political Economy. N.Y.: Oxford University Press, 2006.
- Weingast B.R. The Performance and Stability of Federations: An Institutional Perspective. In: Menard C., Shirley M.M. (Eds.): Handbook of New Institutional Economics. Berlin and Heidelberg: Springer, 2005.
- Wick K. Conflict and Production: An Application to Natural Resources. B.E. Journal of Economic Analysis and Policy. 2008. Vol. 8. N 1.
- Wick K., Bulte E. Contesting Resources – Rent Seeking, Conflict, and the Natural Resource Curse. Mimeo, 2005.
- Wilson J.D. Tax Competition with Interregional Differences in Factor Endowments. Regional Science and Urban Economics. 1991. Vol. 21.
- Winter D.G. Asymmetrical Perception of Power in Crisis: A Comparison of 1914 and the Cuban Missile Crisis. Journal of Peace Research. 2003. Vol. 40. 3.
- Wittman D. Nations and States: Mergers and Acquisitions; Dissolutions and Divorce. American Economic Review. 1991. Vol. 81.
- Wittman D. The Wealth and Size of Nations. Journal of Conflict Resolution. 2000. Vol. 44.
- Wrede M. Small States, Large Unitary States and Federations. Public Choice. 2004. Vol. 119.
- Young R.A. Secession as Revolution. Homo Oeconomicus. 2004. Vol. 21. N 2.
- Young R.A. The Political Economy of Secession: The Case of Quebec. Constitutional Political Economy. 1994. Vol. 5.
- Zuleta H. Poor People and Risky Business. Peace Economics, Peace Science and Public Policy. 2008. Vol. 14. N 1.

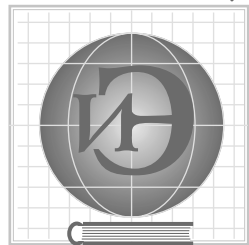

Александр Михайлович
ЛИБМАН

Ли́бман Александр Михайлович — старший научный сотрудник Института экономики РАН, к.э.н. Окончил Финансовую академию при Правительстве РФ и аспирантуру Института международных экономических и политических исследований РАН, докторант Высшей школы экономических и социальных исследований Маннгеймского университета (Германия). Занимался исследовательской работой в Марбургском университете (Германия) и Стокгольмской школе экономики. Преподавал в Маннгеймском университете, Университете Виттен-Хердеке (Германия), Франкфуртской школе финансов и менеджмента и Восточно-Китайском университете, ассоциированным сотрудником которого является. Помимо научных исследований, стажировался в GFKL Financial Services, Dresdner Kleinwort Wasserstein Research и Solventis Wertpapierhandelsbank (Германия), КПМГ и КБИТ «Паритет» (Россия).

Основные научные интересы: политическая экономика федераций, политическая экономика недемократических режимов, эмпирическая экономика общественного сектора. Автор трех монографий и около ста шестидесяти печатных работ в Великобритании, Италии, Германии, Австрии, Швейцарии, Финляндии, Индии, КНР, России и странах СНГ. Статьи в журналах «Eurasia Studies», «European Journal of Comparative Economics», «Вопросы экономики», «Мировая экономика и международные отношения», «Проблемы прогнозирования», «Экономическая наука современной России», «Общественные науки и современность», «Общество и экономика», «Свободная мысль», «Международные процессы», «Российский журнал менеджмента», «Проблемы теории и практики управления», «Прикладная эконометрика», «Russian Studies» (КНР) и др.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (495) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Либман А. М.

Эндогенные границы и распределение власти
в федерациях и международных сообществах

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Молоканова Р.В.*

Компьютерная верстка *Сухомлинов А. Р.*

Подписано в печать 19. 03. 2008. Заказ № 28

Тираж 300 экз. Объем 3,2 уч-из. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0133-2

9 785994 001332